

Иван Осадчий

**Мы родом из СССР. Книга
1. Время нашей молодости**

«ИТРК»

2010

Осадчий И. П.

Мы родом из СССР. Книга 1. Время нашей молодости /
И. П. Осадчий — «ИТРК», 2010

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года. Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

© Осадчий И. П., 2010

© ИТРК, 2010

Содержание

Мы родом из СССР	6
Книга первая. Время нашей молодости	6
Об авторе	6
Мы родом из СССР (От автора)	7
Время нашей молодости (Предисловие к первой книге)	10
Глава 1. Годы великих свершений и подвигов	19
Барвенково – моя колыбель, корни всей моей жизни	19
«Жизнь делать с кого?»	31
Уроки нравственности и жизнелюбия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

И. П. Осадчий
Мы родом из СССР
(Воспоминания и размышления)

Книга издается в редакции автора и за его средства.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мы родом из СССР

*Есть только две формы жизни: горение и гниение.
Мужественные и щедрые избирают первую; трусливые и жадные
– вторую...*
А. М. Горький

Книга первая. Время нашей молодости

Об авторе

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года.

Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

В качестве представителя Краснодарской краевой организации КПСС был избран в состав Подготовительного Комитета по созыву и проведению Российской партийной конференции и Учредительного Съезда Компартии РСФСР. Беспощадно разоблачал ренегат-предательскую политику Горбачева. Выступал с содокладом на Учредительном Съезде КП РСФСР. Руководил работой Подготовительного Комитета по проведению 2-го этапа Учредительного Съезда КП РСФСР, на котором был избран членом ЦК КП РСФСР. Работал в качестве консультанта и заместителя руководителя Центра научного анализа и политического прогнозирования при Секретариате ЦК КП РСФСР. После прекращения деятельности КПСС и КП РСФСР был инициатором создания и бессменным руководителем Общественного Объединения «В защиту прав коммунистов». Являлся координатором работы по подготовке к процессу в Конституционном Суде по делу о конституционности указов Президента РФ о приостановлении и прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР. Выступал на процессе в качестве эксперта коммунистической стороны.

Возглавлял экспертно-консультативный Совет при фракции «Коммунисты России» Съезда народных депутатов РСФСР.

Входил в состав оргкомитета по подготовке и проведению II-го (восстановительного) Съезда Компартии Российской Федерации. Руководил программной комиссией Съезда. Неоднократно избирался членом ЦК КПРФ.

Один из инициаторов создания Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) и её руководитель в 1994–2005 гг.; одновременно являлся редактором газеты РУСО «Буревестник» и книг, издаваемых учеными РУСО в эти годы.

В настоящее время – Почетный Председатель РУСО.

Мы родом из СССР (От автора)

Многие годы, готовясь к написанию книги об удивительном времени, в котором родился и жил, о великой и прекрасной стране, в которой прожил большую часть жизни, я вынашивал её название. Множество было вариантов, «хороших и разных». Но все они казались мне не выразительными, не отражающими самую суть советской эпохи.

Родился я в год десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и пятилетия Союза Советских Социалистических Республик. Эти два всемирно-исторических события, знаковые для всех поколений советских людей, жизнь которых была освещена идеалами Великого Октября, Советской власти, братства и дружбы народов, составлявших великую советскую семью, – Союз Советских Социалистических Республик.

С безмерной гордостью советский человек, держа в своих руках «краснокожий», «молоткастый», «серпастый» советский паспорт, восторженно говорил строками великого советского поэта:

Читайте, завидуйте, —
Я гражданин
Советского Союза.

На моих глазах, за годы жизни моего поколения, советская страна своими гигантскими достижениями во всех областях экономики, социальной сферы, науки, культуры, образования удивила и потрясла мир.

Фантастический взлёт советской державы уже за годы двух первых советских пятилеток вывел её по общему объёму производства на первое место в Европе и на второе место в мире, обеспечил лидерство по производству многих важнейших видов промышленной продукции.

Изумлённый мир назвал это «советским чудом».

В 1936 году была принята новая Конституция СССР, по праву названная именем её главного автора «Сталинской». Весь мир признал её самой демократической во всей человеческой истории.

Во всемирную историю навсегда вошёл немеркнущий подвиг Советского Союза, разгромившего фашистскую Германию и её союзников, отстоявшего не только свою свободу и независимость, но и спасшего всё человечество от фашистского порабощения.

Союз Советских Социалистических Республик стал в глазах человечества бастионом мира и безопасности, светочем свободы и прогресса. Возродив за одну пятилетку из руин и пепла огромную территорию, опустошённую фашистским нашествием, советский народ твёрдой поступью двинулся вперёд, к новым великим свершениям, к новым высотам своего развития.

Ярчайшим свидетельством этого стало событие, вновь изумившее мир: советский гражданин Юрий Гагарин первым в истории человечества вывел в космос космический корабль Советского Союза...

Но не только героическими трудовыми и ратными подвигами раскрашена советская история, жизнь советского народа.

Преобразования великой державы были не самоцелью, а в интересах и во имя человека.

Уже в первые годы первой пятилетки была полностью ликвидирована безработица – позорнейшее наследие антагонистического, буржуазно-помещичьего строя, доставшееся нам от самодержавной России. Во всей своей последующей истории советское общество не только не знало безработицы, но и испытывало дефицит рабочих рук.

«Виной» тому – грандиозное преобразование нашей великой державы, строительство сотен новых городов, многих тысяч промышленных гигантов, заводов, фабрик, гидроэлектростанций, железных дорог, водных каналов, освоение целинных земель и новых подземных сокровищ.

В дореволюционной самодержавной России 4/5 населения было неграмотным. В среднем на образование жителя страны тратилось сорок копеек в год.

В Советском Союзе уже в первое сталинское пятилетие была ликвидирована неграмотность и введено всеобщее обязательное семилетнее образование. Впоследствии советская страна перешла к осуществлению всеобщего обязательного среднего образования.

В Советском Союзе были гарантированные права каждого гражданина на труд, отдых, бесплатное образование всех уровней и бесплатное медицинское обслуживание. На протяжении фактически всей советской истории в СССР была самая низкая плата в мире за жильё и жилищно-коммунальные услуги.

Особую заботу советское государство проявляло о создании условий для счастливого, жизнерадостного детства и достойной обеспеченности старости.

В СССР была создана жизнеспособная система детских лечебно-оздоровительных учреждений, спортивных школ и пионерских лагерей. Лечение и отдых советских людей обеспечивала широчайшая сеть санаториев, домов отдыха, пансионатов, туристических баз, путёвки в которые предоставлялись бесплатно или за символическую, доступную цену.

После окончания второй мировой войны, в СССР, в первой из всех стран, принимавших в ней участие, уже в 1947 году была отменена карточная система на основные продовольственные товары, и, в последующем, на протяжении ряда лет сталинской эпохи ежегодно снижались цены на продукты питания и промышленные товары первой необходимости. На протяжении всей своей истории советское государство проявляло заботу об улучшении благосостояния советских людей, росте их заработной платы и реальных доходов.

Каждый гражданин СССР был абсолютно уверен в своём завтрашнем дне, спокоен за будущее своих детей и внуков.

Неудивительно, что советский народ среди всех народов мира выделялся стойким социалистическим оптимизмом, жизнерадостностью и жизнелюбием. Показателем этого был стабильный рост продолжительности жизни советских людей и народонаселения советской страны.

Можно называть новые и новые факты, свидетельствующие об огромных достижениях советского государства во всех областях общественного развития и жизни советского гражданина, о советских реалиях, советском образе жизни, нравственном облике советских людей. Но лучше всего об этом сказал замечательный советский поэт-песенник Василий Иванович Лебедев-Кумач в своей знаменитой песне – величественной оде советской стране, любимой песне многих поколений советских людей:

Широка страна моя родная.
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

Наши нивы глазом не обшаришь,

Не упомнишь наших городов.
Наше слово гордое – «товарищ» —
Нам дороже всех знакомых слов.

С этим словом мы – повсюду дома, —
Нет для нас ни чёрных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо, —
С ним везде находим мы родных.

Всюду жизнь привольно и широко,
Словно Волга полная течёт.
Молодым везде у нас дорога.
Старикам везде у нас почёт...

Упаси Бог, кому-то подумать, что в советской стране текли «молочные реки», были «кисельные берега», и падала «манна с неба»... Или что нам, советским людям, всё доставалось легко и просто, подносилось на «блюдечке с голубой каёмочкой».

На долю советского народа, особенно первых советских поколений, выпали невероятные трудности, тяжелейшие испытания, невзгоды и утраты.

Все гигантские успехи, немеркнущие подвиги и победы были достигнуты величайшим напряжением всех сил, самоотверженным трудом, невиданным героизмом и самопожертвованием советских людей. Даже полного достатка, необходимого для нормальной жизни, не было. А о роскоши мы и не думали, и не мечтали. Да и зачем она нам?

Мы думали и заботились о том, чтобы жила наша родная советская страна, наша любимая Советская Отчизна, чтобы она была свободной и счастливой. Для нас было неписанным законом, что «выше счастья Родины нет в мире ничего».

Повторю ещё и ещё раз, советский народ, особенно его первое старшее поколение, вошёл в историю как «народ-труженик», «народ-воин», «народ-герой», «народ-победитель». Разве это звание не самое гордое и самое достойное, о котором можно только мечтать?! Стиснув зубы и сжав кулаки, мы, советские люди, без стога, ропота и хныканья решали сложнейшие задачи нашего времени, одолевали жесточайшие трудности и преграды на своём пути и потому добились тех величайших достижений, которые не раз изумляли и потрясали мир.

Каждый, кто причастен к советским свершениям, особенно к бесподобному, романтическому времени сталинской эпохи, с непреклонной гордостью говорит:

Это было со мной,
Это в нашей с тобой биографии.

Сложная, трудная, жестокая судьба досталась советской стране, нам, советским людям, — первопроходцам в созидании самого светлого и справедливого социалистического общества, да ещё в состоянии «осаждённой крепости», в условиях постоянной военной угрозы со стороны хищнических империалистических государств. Но мы выстояли, «устояли против всех...»

Потому что мы жили одной судьбой со своей единственной и незаменимой матерью — Советской Родиной, Союзом Советских Социалистических республик.

Мы были слиты воедино. И потому были «радость общая и горе общее у моей земли и у меня».

И потому каждый нормальный, обыкновенный советский человек умом и сердцем вторил строкам замечательной советской песни:

Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой,
Грустить с тобой, земля моя,
И праздновать с тобой...

Не могло не прийти самое верное, самое точное и самое гордое название моей книги: «Я родом из СССР». Но когда об этом узнала моя семья, сестра, родные и близкие друзья-побратимы, многочисленные «товарищи по оружию», единомышленники, живущие одной судьбой, одними думами, – они решительно воспротивились: «Почему – „Я родом из СССР“? Ведь все мы родом из СССР». Железная логика! И я уступил. Вот так и родилось название «Мы родом из СССР».

И памятью своей, и сердцем своим мы живём в том трудном, но удивительно прекрасном и счастливом советском времени, в той удивительно жизнерадостной и счастливой жизни, в той неповторимо прекрасной и счастливой стране, которую мы потеряли, – в Советском Союзе...

И каждый из нас вслед за Валентиной Кичко повторяет заветные строки:

Кто в Израиль, а кто в Америку,
Бросив Родину, словно груз...
Ну, а мне бы – к родному берегу,
Мне бы снова в Советский Союз...

Время нашей молодости (Предисловие к первой книге)

*Вспомним молодость – время трудное.
Мы плечом к плечу шли вперед,
И поэтому наша молодость
Раньше нас с тобой не умрет...¹*

Книги с таким названием могло не быть. По моему первоначальному замыслу, «времени нашей молодости» отводилась одна глава «Юность комсомольская моя». В своей основе она уже была написана. Но... в сентябре-октябре 2008 года пришлось отступить от этого плана и взяться за написание отдельной книги «Время нашей молодости», как первой части трехтомника «Мы родом из СССР».

О том, что побудило меня круто изменить первоначальный замысел, и пойдёт речь ниже.

В сентябре-октябре 2008 года в мою жизнь вторглись один за другим несколько телефонных звонков. Из разных мест нашей страны. И все по одному и тому же поводу – о предстоящем 90-летию Ленинского Комсомола. В большинстве своём на связь выходили старые комсомольцы – люди моего поколения, рядом с которыми прошла моя комсомольская юность. В их числе и те, с которыми мне не доводилось встречаться в последние два десятилетия.

Первый звонок раздался 24 сентября 2008 года.

– Я хотел бы поговорить с Иваном Павловичем или Ниной Тимофеевной.

– Здравствуйте, дорогой Иван Васильевич. Очень рад Вашему звонку. Слушаю Вас...

Я сразу узнал по голосу, что звонит Иван Васильевич Кулинченко, хотя не слышал и не видел его два десятилетия.

– Я к Вам с поручением старых комсомольцев. Приглашаю Вас на 90-летие комсомола.

---

¹ Строки, услышанные по радио.

– Сердечное спасибо. Всей душой с Вами, но приехать не смогу. Виной тому – недуги, «спеленавшие» Нину Тимофеевну. Да и меня тоже.

Потом мы говорили с ним ещё почти полчаса: мне хотелось узнать о судьбе наших общих друзей и товарищей по работе в комсомоле, о его семье, о жизни. Несколько раз прощались и тут же снова продолжались вопросы – расспросы. Наконец, по-братски обнялись и простились...

А я уже жил тем временем, когда свела меня судьба с комсомолом Брюховецкого района Краснодарского края. Первым секретарём райкома ВЛКСМ был тогда Дмитрий Денисович Матрошилов. Иван Васильевич руководил комсомольской организацией совхоза «Лебяжий остров», но вскоре был избран вторым секретарём райкома комсомола.

Это было в 1955 году. Я тоже на той же районной комсомольской конференции был избран членом бюро райкома ВЛКСМ. Впрочем, об этом рассказано в книге. Здесь же скажу лишь, что работал я в Брюховецкой всего один год. Но какой это был год по насыщенности комсомольскими делами! Я и сейчас всё хорошо помню. И, как говорит об этом звонок Ивана Васильевича, – и меня помнят...

Спустя сутки, позвонил сын Коля. Хотя для всех он уже давно Николай Иванович. Многие годы возглавляет Краснодарский краевой комитет КПРФ и депутатскую фракцию коммунистов в краевом законодательном собрании.

А в юные школьные и студенческие годы, да и после, – активно работал в комсомоле. В моём архиве вместе с моими Почётными Грамотами комсомола, по чистой случайности, хранится и его Почётная Грамота, которой он награждён Краснодарским крайкомом комсомола в 1988 году, – к 70-летию ВЛКСМ.

...Рассказал Коля о подготовке к комсомольскому юбилею в крае. Одно омрачает: нынешняя власть хочет «приватизировать» историю и славу комсомола, а нынешнюю молодёжь «приручить» к своим идеям и делам. Вот и «единороссы» готовятся к юбилею комсомола. Но только выхолащивают из него самую суть – Ленинскую, коммунистическую.

Как тут быть? Ответ очевиден: бороться за историческую правду, за сердца, души и сознание молодёжи. За Ленинский Коммунистический Союз молодёжи...

Вслед за сыном – мой «младший брат». Сразу возникает вопрос: какой брат? Ни в одной моей биографии, ни в одной анкете или книге нет даже упоминания о брате. Всегда называлась только сестра. Не было. А вот теперь есть. И объявился он в жесточайшие годы ельцинского безвременья, в самые мрачные годы жизни, когда у нас отнимали нашу Советскую Родину, советскую Жизнь, утверждая циничной ложью, произволом и кровавой диктатурой алчные, буржуазные «общедемократические ценности», отвергнутые трудовым народом России в октябре 1917 года.

Зная, что мне трудно продержаться в этой жизни без братской помощи, он сказал: «Я буду Вашим младшим братом и постараюсь по-братски сделать всё, что в моих силах и возможностях, чтобы Вы смогли выстоять, выжить в этой смертоносной жизни».

Я был до глубины души взволнован и благодарно принял руку «младшего брата». Одной строкой о нём не скажешь. Поэтому я решил написать специальный сюжет «Слово о „младшем брате“». Он – старый ленинградский комсомолец и в его биографии – работа секретарём райкома комсомола и в Ленинградском обкоме ВЛКСМ. Уже два десятилетия Виктор Осипович Лучин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, – мой верный и надёжный друг-единомышленник. Он и есть мой «младший брат».

В тот же день ещё один звонок: Чибиряев Станислав Архипович. Старый комсомолец. Секретарь райкома комсомола в Нижегородской области. Потом – заместитель председателя Комитета молодёжных организаций СССР. Был на партийной работе. Затем – ректором полиграфического института. Возглавлял Всесоюзное издательство «Юридическая литература». В постсоветское время – декан юридического факультета Московского государственного уни-

верситета землеустройства; ректор Академии водного транспорта. Сейчас – президент этой же академии. Доктор юридических наук, профессор. Учёный-марксист. Директор издательства «Былина», которым издано много учебников, книг, монографий, сборников научных работ российских учёных социалистической ориентации; более десяти лет являлся сопредседателем Центрального Совета РУСО – Общероссийской Общественной Организации «Российские учёные социалистической ориентации». Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный юрист РСФСР.

...И я задумался: чем же мне отметить Юбилей Комсомола? Девяностолетие. Доживу ли до 100-летия? Всякое может случиться. Значит, надо сейчас отложить все дела и засесть за книгу о юности комсомольской моей, о времени нашей молодости...

...Вспомнилось, как десять лет назад меня звали старые комсомолцы Приморья и нынешний первый секретарь Приморского Крайкома КПРФ В. В. Гришуков на 80-летие Комсомола. Даже все расходы брали на себя. Уговаривали: «Приезжай. Прилетай». Не смог. Тогда дел было невпроворот. А сейчас жалею... Теперь при нынешнем нашем с Ниной Тимофеевной нездоровье, такие расстояния уже не под силу.

В 1954-м году я с непреходящей болью в душе уезжал из Приморья. А вот помнят же по сей день. Бывший первый секретарь крайкома комсомола Л. П. Шадрин (Субочев) навещает письмами, рассказывает о старых комсомольцах, живых (их всё меньше) и о тех, кого уже нет. Тот же Владимир Витальевич Гришуков постоянно напоминает о Приморье, приглашает, рассказывает о крае, о старых комсомольцах – ныне уже ветеранах КПРФ. Не забывает поздравить с советскими праздниками, с днём рождения.

Трудно передать то волнение, которое я испытал, получив от Л. П. Шадриной, спустя сорок лет после моего вынужденного отъезда с Дальнего Востока, письмо-поздравление с Новым 1995 годом. Вот несколько строк из него:

«От имени единомышленников-комсомольцев 40-50-х годов поздравляю Вас с Новым 1995 годом!..

Рады были увидеть Вас по телевизору, когда Вы выступали на Съезде Компартии России, узнать, что Вы ведёте общественную работу, что Вы доктор наук и полны энергии и комсомольского задора. Рады за Вас и гордимся своим земляком...

Привет от В. Д. Ключника, А. К. Перебейноса, Н. И. Костиной...»

Приятно было узнать, что помнят о тебе, добрый след в памяти старых комсомольцев, оставшихся и в нынешние мрачные годы единомышленниками-коммунистами, что всё, сделанное тобой, принимается ими с пониманием и одобрением.

Спустя немного времени я встретился с Лидией Павловной на Съезде российских учёных социалистической ориентации и был несказанно рад. Это была невероятно трогательная встреча.

Председательствуя на Съезде, я предоставил слово делегату от Приморского отделения РУСО, учёному-коммунисту Лидии Павловне Субочевой (Шадриной). Только мне да В. В. Гришукову было известно, какие чувства испытывали мы, старые комсомольские друзья.

Я остановил Лидию Павловну на пути к трибуне, у стола президиума Съезда... И мы обнялись... Более трёхсот делегатов и гостей Съезда замерли в недоумении. Понимая это, я обнаружил, что, сорок лет спустя, встретились старые друзья-товарищи по работе в коммоле...

Съезд взорвался громом аплодисментов...

Ещё нагрянули воспоминания. Моя дальневосточная жизнь начиналась в Анучинском районе, в райкоме комсомола. Проработал там всего год. А спустя три десятилетия меня навещал в Краснодаре бывший первый секретарь Анучинского райкома комсомола Григорий Пет-

рович Бойко. Заехал, возвращаясь из сочинского санатория. Какая волнующая, желанная, незабываемая встреча...

Помнит далёкое Приморье. Работал там менее семи лет. А помнят более полувека...

В Барвенково, моём родном городе, в 1944-м, уходя в Советскую Армию, простился я с бывшим фронтовиком-коммунистом, ставшим первым секретарём райкома комсомола, – Иваном Павловичем Пащенко и с его сестрой Зоей, моей соученицей-девятиклассницей, школьной комсомолкой. Но не забыли. Навестили после двадцати лет разлуки – уже в Туапсе...

В конце 1948 года, на перроне Харьковского железнодорожного вокзала, отправляясь на Дальний Восток, я прощался со своими лучшими друзьями – курсантами Харьковского Военно-Политического училища пограничных войск Володи Кириковым и Николаем Воробьевым, может быть, навсегда...

Однако нет. Двадцать лет спустя, весной 1967 года, когда я работал секретарём Туапсинского горкома партии, в кабинет вошёл молодой генерал пограничных войск в сопровождении хорошо знакомого мне заместителя начальника КПП по политчасти, майора Сухова Ивана Афанасьевича:

– Генерал-майор Кириков. Назначен начальником Новороссийского погранотряда, знакомлюсь со своим «хозяйством».

Без помощи партийных органов в нашей работе не обойтись, – чётко, по военному, представился генерал.

– Володя, дорогой, – только и смог сказать я.

И мы надолго остались в крепких объятиях. Я пригласил его домой в гости, чтобы познакомиться с женой и сыном, да и встречу отметить. Но он, тепло поблагодарив, ответил: «Не могу. В другой раз. Служба. Но с женой твоей, Ниной, я зайду познакомиться. Майор Сухова сказал мне, что она работает на хлебозаводе, рядом с КПП... А твоего десятилетнего сына я уже видел на КПП в окружении пограничников...»

В тот же день Володя побывал на хлебозаводе, учинил там «девичий переполох» среди молодых работниц:

– Нина Тимофеевна, какой молодой и красивый генерал приходил к Вам. Кто это? – долго восторгались они.

...Рассказал Володя и о нашем общем друге – Николае Воробьеве: «Он тоже генерал, Начальник Политуправления пограничных войск Закавказского округа».

Володя ещё несколько раз приезжал в Туапсе, но, к горькому сожалению, я уже ушёл «в науку», работал в Краснодарском пединституте, вскоре преобразованном в университет.

Володя тоже недолго пробыл в должности начальника Новороссийского погранотряда. Его забрали в Главное Управление пограничных войск СССР, кажется, на должность начальника интендантского управления. А потом я узнал от пограничников горестную весть: «Генерал Кириков трагически погиб...» Обстоятельства гибели мне так и не удалось прояснить.

На втором году моей работы в Туапсе в редакции городской газеты «Ленинский путь», в 1957-м году меня разыскал Иван Силионов, – в недавнем прошлом первый секретарь Ленинского райкома комсомола города Владивостока. После комсомольской работы, он ходил первым помощником капитана на кораблях дальнего плавания. По «ремонтным делам» его корабль бросил якорь в Туапсинском порту. И он при каждой возможности приходил ко мне в редакцию. Рассказчик он был необыкновенный, и журналисты с упоением слушали его изумительные рассказы о дальних плаваниях, виденных им странах и континентах, о тамошней жизни. Напоследок оставил нам «Странички из дневника», которые мы опубликовали в нашей газете.

Я даже не помню, у кого он узнал моё местонахождение, но вот же разыскал старого комсомольского друга, чем очень порадовал меня...

Во время одной из поездок в Кисловодск, в горкоме КПСС, куда я зашёл по каким-то «лечебным» делам, лицом к лицу встретился с бывшим первым секретарём Находкинского горкома ВЛКСМ, а затем заведующим отделом рабочей молодёжи Приморского крайкома комсомола Юрой Матвиенко. Мы были очень дружны в те далёкие комсомольские годы. И потому, спустя полтора десятилетия, оба были несказанно рады такой неожиданной встрече. Юра работал директором Кисловодского завода минеральных вод. И каждый раз, бывая на Кавминводах по «делам» сердечным или желудочным, я непременно навещал его. Воспоминаниям о былых комсомольских годах и последующей жизни и работе не было конца...

Далеко не с каждым старым комсомольским другом судьба дарила мне встречи. Тогда на помощь приходила почта. Многие годы шли письма из Гродеково от Миши Клещевникова, бывшего второго секретаря Хасанского райкома комсомола. Из Лесозаводска, а впоследствии из Владивостока писал Володя Нахабо, в своё время сменивший меня на посту первого секретаря Хасанского райкома комсомола, после моего перехода на работу во Владивосток, в Приморский крайком ВЛКСМ...

Во Владивостоке я жил в однокомнатной квартире с Мишей Избенко, журналистом «Тихоокеанского комсомольца». После, в должности редактора многотиражки китобойной флотилии «Слава», он бороздил моря и океаны. И слал письма и телеграммы со всех концов света...

Георгий Семенович Новицкий, старый сибирский комсомолец, опытный дагестанский журналист, убежденный, несгибаемый коммунист и прекрасной души человек приехал в Туапсе несколько лет спустя после моего отъезда в Краснодар.

Но память города обо мне навела его на мой след. В своих публикациях в городских, районных, краевых и центральных коммунистических газетах он рассказывает о многих героях и подвигах в истории Туапсе, особенно в годы Великой Отечественной войны. Роднит нас и комсомольская биография, и преклонение перед неповторимым подвигом всей жизни Николая Островского. Потому он часто навещает меня и письмами, и по телефону. В свои 88 лет продолжает жить идеалами комсомольской юности, верности социализму. Естественно, и в юбилейные дни ВЛКСМ мы обменялись с ним сердечными поздравлениями и добрыми пожеланиями.

Двадцать девятого октября 2008 года из Туапсе позвонила моя единственная родная и любимая сестра Маруся – Мария Павловна:

– Поздравляю с юбилеем Ленинского Комсомола. Мы вступили с тобой в комсомол в один и тот же день – в день рождения Сталина, 21 декабря 1943 года. Помнишь?

– Отлично помню. На 101-й день после освобождения Барвенково от фашистов. Очень рад твоему звонку и поздравлению. И тебя сердечно поздравляю с 90-летием Комсомола. Хорошо бы дожить до его столетия. Этого желаю тебе! И сам буду стараться...

– Передаю тебе поздравления от многих старых туапсинских комсомольцев. От Валентина Николаева – бывшего секретаря горкома комсомола и от Нины Петровны Бобченко – бывшего секретаря райкома комсомола. Они остались стойкими коммунистами.

– Большое спасибо. Им тоже сердечные поздравления с юбилеем Комсомола от меня и Нины. Самые добрые пожелания всем, кто нас помнит...

Но время безжалостно уносит из жизни моих старых и верных друзей.

Двадцать девятого октября 2009 года сестра моя снова позвонила, чтобы поздравить уже с 91-й годовщиной Комсомола. И сообщила: девятого октября, за двадцать дней до очередной годовщины комсомола и своего 79-летия умер Валентин Николаев.

С непреходящей болью в душе, пока живы, будем помнить его как руководителя Туапсинской городской комсомольской организации в 50-60-е годы и как настоящего коммуниста до последнего мгновенья жизни...

В канун юбилея комсомола я получил книгу Ивана Григорьевича Шурыгина «Воспоминания о времени и о себе». Она имеет подзаголовок «Краткая история Краснодарского Главнефтеснаба РСФСР». Это объяснимо, ибо большую часть жизни Иван Григорьевич отдал нефтеперерабатывающей промышленности.

Но автор посвятил книгу не только 70-летию Краснодарского управления Главнефтеснаба РСФСР, но и 90-летию Ленинского Комсомола. Это меня по-хорошему взволновало: только старый, истинный комсомолец и убежденный коммунист мог в нынешнее время сделать такое посвящение, отдавая дань Ленинскому Комсомолу за все, что дали ему комсомольские годы, что жило в нем на протяжении всей жизни. И я в два-три дня с глубоким интересом прочел книгу Ивана Григорьевича, чтобы найти в ней сюжеты, связанные с ВЛКСМ.

Поскольку я уже жил «временем нашей молодости», то нельзя было оставить без внимания комсомольскую судьбу Ивана Григорьевича. Вступил он в комсомол в 1948 году, в год его тридцатилетия. И, значит, более полувека жил идеалами комсомольской юности. Строки книги Ивана Григорьевича высветили суть его души, которая в полной мере созвучна тому моему состоянию и настроению, с которым я писал книгу о времени нашей молодости. Не могу удержаться, чтобы не «тиражировать» в своей книге «исповедь» Ивана Григорьевича о комсомоле:

«У воспоминаний есть одна особенность: как бы они ни были точны, вчерашний день все-таки всегда видится нам в свете дня сегодняшнего.

Сейчас, когда в людях стало меньше доброты и сострадания, мы всё чаще и чаще вспоминаем своих товарищей по работе, по комсомолу, друзей, просто знакомых. Сколько в них было самоотверженности, доброты, сострадания к людям, как свято они понимали свой долг; чем больше трудностей, тем дружнее мы жили, делились всем, что у кого было, жили целеустремленно и плодотворно работали.

Какая сила и поныне заставляет бывших комсомольцев ежегодно 29 октября, в день рождения комсомола, собираться тесным и родственным кругом. Сила прошедшей молодости, ностальгия по утраченному времени. Чужачество?

Это сила общности и надвозрастного признания друг другу, сила комсомольского братства, крепкой дружбы и взаимного доверия.

Комсомол приносил в нашу жизнь романтику, неистребимое желание помочь Родине во всем: покорении космоса, освоении целины, строительстве заводов и фабрик, прокладке новых железнодорожных магистралей, нефтепроводов, газопроводов, линий электропередач, самоотверженном труде на хлебном поле.

Они были ключиками счастья, которыми часто открывали двери не только в неизведанное, но и в души тысяч юношей и девушек, способствовали... получению путевки в жизнь. И это не просто риторические, припудренные патриотическим пафосом слова, – это сама жизнь, которой без остатка отдали себя люди ушедшего века.

Комсомолу, даже с учётом прошедшего времени, не в чем винить себя, ибо это был слепок партии, её „помощник и резерв“ и ему не в чем каяться».

Сколько раз за два года моей работы над этой книгой, я вынужден был дописывать горестные строки: «Когда эти слова уже были написаны, пришла печальная весть о смерти...».

Вот и сегодня, 5 июня 2010 года, я узнал, что 31 мая 2010 года, после тяжёлой болезни, на 77-м году жизни скончался Иван Григорьевич Шурыгин.

Смерть, чаще всего, бывает неожиданной. Такой была она и на этот раз.

С какой безграничной любовью и гордостью всегда рассказывал и писал в своей книге Иван Григорьевич о своей жене Людмиле Сергеевне, тоже «родом из комсомола», о детях своих – Лене и Сереже, о зяте Александре и невестке Наташе, о внучках Полине и Маше, о внуке Ване...

Осиротели не только они, но и все мы, кто многие годы и десятилетия знал Ивана Григорьевича, и память о котором будет жить всегда в нашей памяти и сердцах наших...

В последние годы в моей жизни нежданно-негаданно объявился «коллективный побратим», внимание и забота которого приносят мне радость, вдохновение; умножают силы в борьбе за «выживание» с многочисленными бедами, недугами и проблемами нынешнего сложного, многотрудного, беспросветного времени.

Таким «коллективным побратимом» стало для меня «Кубанское Землячество» – общественное объединение земляков-кубанцев в Москве. Мне было приятно от самого факта, что они вспомнили, нашли и «пригрели» меня. Я не коренной кубанец, но отдал этому прекрасному краю три с половиной десятилетия, лучшие годы своей жизни. Да и сейчас живу его тревогами и заботами. Ведь там – часть моей души: там сестра и сын, внучка – самые близкие и самые дорогие мои люди; там бесчисленное множество моих верных друзей – «товарищей по оружию»; там и могилы многих соратников моих – побратимов, имена и образы которых всегда со мной, – в памяти, в сердце, в душе...

В «Кубанском Землячестве» много знакомых и знатных людей, работавших при мне в крае.

Назову лишь несколько имён. И в первую очередь – бывших первых секретарей Краснодарского крайкома ВЛКСМ, ставших впоследствии партийными и государственными работниками: Александр Качанов, Леонид Зверковский, Николай Голуб, Виталий Сыроватко. Здесь и бывший первый секретарь Тимашевского райкома комсомола, а затем первый секретарь Брюховецкого райкома КПСС Анатолий Александрович Власенко, многие другие. Одни **мне лично известны** и причастны к моей судьбе – А. И. Качанов, В. Г. Сыроватко, А. А. Власенко. Других знал по должности, по их делам. Их трогательные поздравления в дни большого комсомольского юбилея очень взволновали меня...

Можно вспоминать и вспоминать о друзьях-товарищах из той далёкой, незабываемой и прекрасной комсомольской юности. И о встречах с ними, многие годы спустя, как с самыми родными и близкими. Ибо такими остаются настоящие друзья-товарищи на всю жизнь.

Замечательно сказал Константин Симонов:

Дружба настоящая не старится,
За небо ветвями не цепляется, —
Если уж приходит срок, так валится
С грохотом, как дубу полагается.
От ветров при жизни не качается,
Смертью одного из двух кончается...

В подтверждение верности этих слов я уже назвал много примеров, но вспоминаются всё новые и новые имена.

И я решил поведать о времени, в котором прошли мои комсомольские годы, о тех, кто был рядом со мной в той незабываемой жизни.

Историю комсомола я знаю не понаслышке и не только по книгам и кинофильмам.

Из 70 лет истории комсомола советской эпохи – 50 прошло при мне, с моим участием. Десятилетним пионером, председателем совета пионерской дружины семилетней школы, я прочёл лучшую книгу о комсомоле «Как закалялась сталь» Николая Островского, о первом поколении комсомольцев. И с того дня моей главной мечтой стало желание подготовить себя к вступлению в комсомол, в ряды корчагинцев. В 16 лет, в 1943 году, я был принят в члены ВЛКСМ. Два десятилетия активно работал в комсомоле на профессиональной или общественной основе, да и вся советская жизнь неразрывно, прочно-напрочно, связана с комсомолом. И в постсоветское время не стоял в стороне от возрождения комсомола и его деятельности.

Я не совершил необыкновенных подвигов и не имею особых наград, кроме многочисленных Почётных грамот различных комсомольских комитетов, включая ЦК ВЛКСМ, – за актив-

ную многолетнюю работу по коммунистическому воспитанию молодёжи. Это же записано и в моём комсомольском билете, оставленном на память в день снятия меня с комсомольского учёта...

Но и после этого я не расстался с комсомолом. Последнюю комсомольскую награду – Почётную Грамоту Краснодарского крайкома ВЛКСМ получил в 1987-м году, – в день своего шестидесятилетия.

И эта книга – свидетельство того, что и сейчас не расстаюсь с комсомолом, живу памятью о нём, о моей комсомольской юности, о времени нашей молодости.

И хотя сейчас совсем другое время, другая жизнь, другая страна, да и годы совсем не малые. Всё равно мы живём (да разве только мы) памятью о нашей комсомольской юности, о жизни, которой жили, о Прекрасной Стране, которую потеряли...

Не знаю, что и как будет со мной завтра, но сегодня, и пока продолжается жизнь, – буду сражаться против любой фальши, цинизма, подлости, в какие бы одежды они ни рядились. Так мне сердце велит и совесть.

Так «велит сердце» и моей родной сестре Марусе. Ей исполнилось 85 лет. Но она продолжает оставаться в коммунистическом строю, продолжает жить идеалами, ставшими нравственными ориентирами в далёкие, но незабываемые комсомольские годы, – годы нашей комсомольской юности.

Так «велит сердце» и моему сыну Николаю. Горжусь тем, что моя комсомольская и коммунистическая эстафета – в его надёжных руках, достойно им продолжается.

Теми же нравственными ценностями живёт и четвёртая комсомолка из нашей семьи – из нашего «рода-племени» – Нина, рядом с которой мы прожили непростой и беспокойной жизнью уже более полувека.

И это «родство душ» – родство самых близких людей, – особо радует и вдохновляет, помогает жить и надеяться на лучшее.

Верю, убеждён, что история непременно когда-то сделает новый крутой поворот. И возродится Наша прежняя Жизнь и Наша Великая, Могущественная, Счастливая Советская Страна.

Может, уже без нас. Ну что ж... Как там у поэта:

И пусть мы не такие уж плохие, —
Идут за нами те, кто лучше нас...

* * *

Хронологические рамки книги «Время нашей молодости» – сорокалетний период моей жизни – 1927–1967 годы.

Содержательно это время не только той комсомольской юности, но также детские и школьные годы, прерванные и опалённые войной, годы журналистской и партийной работы, когда я «штатно» уже не работал в комсомоле, но принимал активное участие в его жизни, в коммунистическом воспитании молодёжи. И не только. Мне пришлось далеко выйти за «время нашей молодости».

Необходимость этого продиктована тем, что, спустя многие годы, уже в «ново-русской», «демократической» России мне пришлось основательно заниматься комсомольскими сюжетами. В этой связи потребовалась новая глава. В ней отражена моя многотрудная работа по организации коммунистического просвещения и воспитания молодёжи, подготовке молодых коммунистических политиков; борьба за спасение нашей святыни – мемориального комплекса на месте подвига Зои Космодемьянской в Петрищеве; борьба с клеветническими измышлениями

ями «сочинителей» от литературы о легендарном Николае Островском – правофланговом всех поколений комсомольцев и главном комсомольском писателе.

...Не мог я оставить без внимания и старых комсомольцев – моих верных побратимов, которые в эти трудные и жестокие годы – рядом со мной, в одном строю, плечом к плечу в борьбе за правду и справедливость. И завершает книгу небольшой сюжет «После точки» – о 90-летию Ленинского комсомола.

На работу над книгой ушло почти два года. Главным тормозом были многочисленные недуги, спеленавшие и меня, и супругу. Были заминки и по другим причинам: рождались новые сюжеты, требовалось осмысление и переосмысление написанного. Немало времени ушло и на поиск человека для компьютерного набора рукописи. А это, с учетом нашего места жительства и моего «труднопроходимого» почерка, да еще усложненного полиартритом, оказалось далеко не простым делом. За два года (шутка сказать!) сменилось четыре компьютерщика. Время уходило, а работа над книгой продвигалась очень медленно. В конце концов, и эта проблема разрешилась.

В 2010 году, к 65-летию немеркнущей Победы советского народа в Великой Отечественной войне рукопись была готова к изданию. Но при последней ее вычитке возникли вопросы, потребовавшие уточнения некоторых фактов и сведений об упоминаемых в книге лицах.

Думал, за месяц управлюсь. Но ушло в пять раз больше. И не только из-за сложностей, вызванных устранением «белых пятен» и необходимости внесения некоторых уточнений и дополнений.

Месяц ушел на работу над статьями о 20-летию образования Компартии РСФСР и ее драматической судьбе. Затем наступила двухмесячная аномальная жара, побившая все прежние температурные рекорды. При таком положении все силы уходили на то, чтобы выжить.

Вслед за этим неожиданно-негаданно пришли новые жесточайшие испытания: супруга оказалась на два месяца прикованной тяжкими недугами к постели. И на меня обрушились все заботы по уходу за ней, все домашние хлопоты, каких всегда невпроворот. Что и говорить, уставал безмерно, буквально валился с ног. О работе над рукописью не могло быть и речи.

Но не ради стонов о превратностях погоды и судьбы потребовалось писать это «дополнение к предисловию». В эти же месяцы (июнь-октябрь 2010 года) я получил несколько таких непредвиденных ударов, от которых нелегко было сохранить самообладание, не впасть в отчаяние. Время неумолимо приносит такие горестные «сюрпризы», которых невозможно избежать. О них и пойдет здесь речь.

В предисловии к рукописи этой книги рассказывается, что побудило меня взяться за ее написание. Идея родилась под влиянием телефонного звонка из Кубани от старого комсомольского друга Ивана Васильевича Кулинченко. Он позвонил, чтобы пригласить меня в край на юбилейные дни, связанные с 90-летием Ленинского Комсомола. Вслед за этим было еще много других звонков по этому же поводу из различных мест, где мне довелось жить и работать в комсомольские годы. Они и побудили меня отложить все другие творческие планы и безотлагательно засесть за «Время нашей молодости». Но как ни старался поскорее написать и издать её, – не получилось.

В ответ на волновавшие меня вопросы из разных мест пришли горестные вести. Они оказались хуже самых грустных предположений.

Вслед за сообщениями из Владивостока о множестве утрат, понесенных моим поколением комсомольских работников Приморья, пришли столь же печальные вести из других мест.

Двадцать девятого июня 2010 года позвонила Алла Кулинченко – жена Ивана Васильевича. На вопрос о его здоровье она уклончиво ответила: «Да вот приболел». Она же сообщила, что уже несколько лет как нет в живых его сестры Зои и ее мужа, тоже Ивана Васильевича, которого я знал многие годы только заочно. Что касается судьбы других наших общих комсомольских друзей-побратимов по работе в Брюховецком районе, то она посоветовала созво-

ниться с Мирой Васильевной Марьяненко (Бондаревой), которая постоянно жила и живет в Брюховецкой. Там работала в комсомоле, там же являлась секретарем райкома партии по идеологии. После многих неудачных попыток дозвониться, наконец, услышал в телефонной трубке ее голос. Она очень обрадовалась моему звонку, но затем в каждой новой ее фразе зазвучали обескураживающие горестные вести. Одна горше другой.

Первым и самым невероятным явилось сообщение о том, что совсем недавно, после тяжелой болезни, ушел из жизни мой верный друг Дмитрий Денисович Матрошилов, с которым мы многие десятилетия были связаны поистине братскими узами. Вслед за этим Мира Васильевна проговорила и об очень тревожном состоянии здоровья Ивана Васильевича Кулинченко.

Роковой час для него пробил в ночь с шестого на седьмое октября 2010 года. Мне об этом стало известно 29 октября 2010 года, в день 92-й годовщины Ленинского Комсомола. Эту горестную весть мне сообщила тоже Мира Васильевна.

От нее же узнал, что уже нет в живых Тамары Ладыгиной, бывшей заведующей отделом пионеров и школьников Брюховецкого райкома комсомола. Ушли из жизни член бюро этого же райкома ВЛКСМ Дмитрий Михайлович Елецкий, инструктор райкома комсомола Андрей Сторчак. Безвременная смерть оборвала жизнь Лени Горбача, бывшего секретаря комитета комсомола колхоза имени Сталина (на Гарбуз-Балке), многих других комсомольских активистов тех лет, когда я работал в Брюховецком районе.

Так неумолимо редуют ряды комсомольцев моего поколения, моих друзей-побратимов, с которыми прошли годы нашей молодости и которые навсегда останутся в памяти и в сердцах всех тех, кому они дороги и незаменимы.

Быстротечно время человеческой жизни. Не успеешь оглянуться, как уже на пороге «могилевская губерния», – как однажды с грустью пошутил Вячеслав Михайлович Молотов.

Справедливо гласит народная мудрость: «Встречаться надо с живыми». К горестному сожалению, мы очень часто вспоминаем её только тогда, когда получаем известия о безвременном уходе из жизни родных, близких, верных друзей. Так получилось и у меня. Я узнал имена многих ушедших из жизни близких и родных мне людей уже в дни работы над книгой. Буду бесконечно рад, если книга найдет тех, о ком я с любовью пишу, кого всегда помню и сохранию в памяти до последнего часа.

Глава 1. Годы великих свершений и подвигов

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...
Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам нестрашны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесём через миры в века.*

(Строки советских песен 30-х годов XX века)

Барвенково – моя колыбель, корни всей моей жизни

Что сохранила память, что вспоминается, живёт во мне, пройдя сквозь толщу десятилетий, через всю прожитую жизнь?

Детство и юность мои прошли в небольшом украинском городке Барвенково, на Харьковщине. Статус города Барвенково получило где-то в начале 30-х годов. К тому времени оно являлось административным центром одноименного района. А прежде входило в Изюмский

уезд Харьковской губернии. В пору становления городом, в Барвенково жителей было тысяч двадцать-двадцать пять.

Переименование в город мало что изменило в его облике. Типичное большое село, каких немало в Левобережной Украине, протянувшееся километров на десять, шириной чуть поменьше. Естественно, «мерил» я город вдоль и поперёк только несчитанными шагами да временем, потраченным на дорогу.

Барвенково находится на полпути между крупным железнодорожным узлом Лозовая и Славянском-Донецким. Почти поровну город разделён мелководной речушкой Сухой Торец, впадающей в Северный Донец.

...Родился и рос в крестьянской семье. Память сохранила одну-две туманные картинки выезда с родителями в поле. Было мне тогда годика три-четыре. Не больше. Хлеба уже были скошены. Значит, по времени это было ранней осенью в начале 30-х годов. Запомнилось: в поле дедушка угощал нас мёдом и арбузом. И ещё сохранила память: на обратном пути колесо нашей «брички» (телеги) сломалось, и она опрокинулась набок, застряла в глубоком рву, не дотянув несколько десятков метров до нашего подворья.

Мне кажется, это был последний крестьянский год моих родителей. И не только их, но и родителей отца – дедушки, бабушки, прабабушки. Отец и дедушка отправились на заработки в Донбасс, на заводские новостройки. Домой наезжали нечасто, когда выпадала возможность. Расставшись с землёй, поменяли крестьянскую жизнь на «заводскую» и мамыны родители, её братья и сестра.

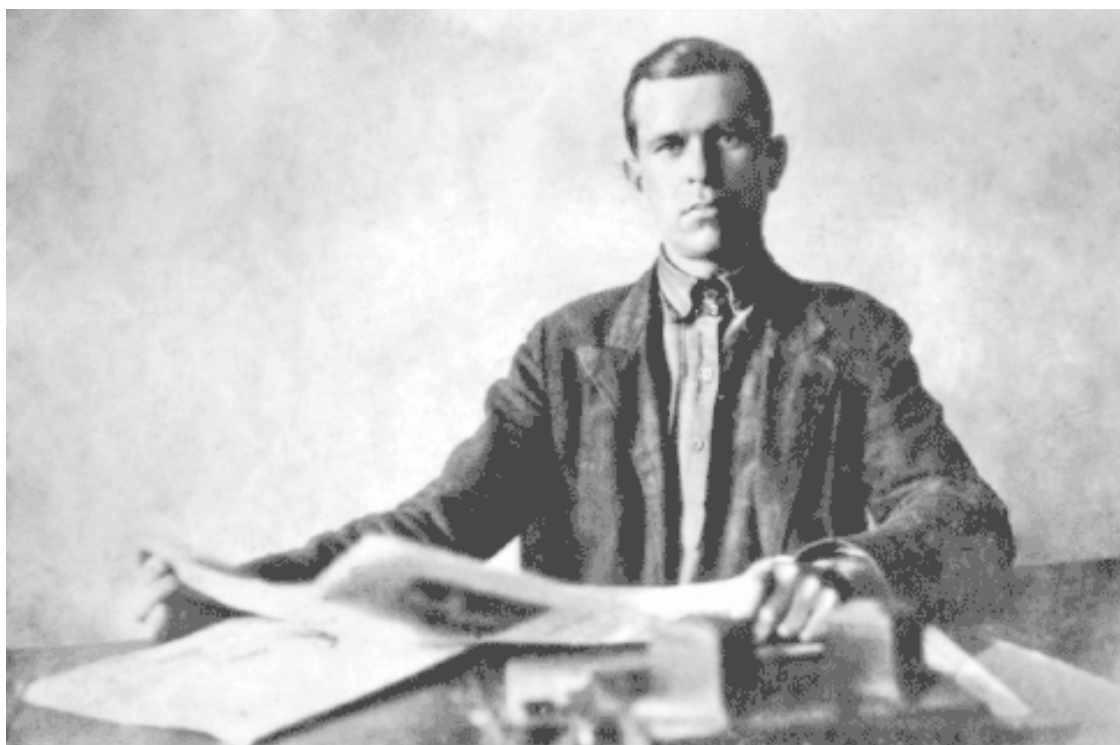
В доме оставались одни женщины – прабабушка, бабушка, мама и моя единственная сестренка Маруся, старшая меня на два года.

Сколько себя помню, с сестрой у нас были всегда очень добрые отношения. Я всегда любил её братской любовью и гордился ею. Человек она необыкновенной душевности, щедрости, скромности, отзывчивости. И ещё – высочайшей нравственности. Такой она была всю жизнь. Такой остаётся и сейчас...

Прабабушка, бабушка, а чуть позже и дедушка, до середины 30-х годов один за другим ушли из жизни. И в доме полноправной хозяйкой стала мама. Да мы с сестрёнкой. Отец был редким гостем. Запомнился он мне строгим, но справедливым. Отец с отличием окончил трехгодичное реальное училище. Редкость в крестьянской семье. Затем – бухгалтерские курсы. И пошёл по «писарской», «конторской» службе. Был счетоводом, бухгалтером, старшим бухгалтером. И нас, детей своих, хотел видеть служащими в какой-нибудь канцелярии. А потому в воспитании особо налегал на нашу прилежность в учёбе и каллиграфию почерка. У него он был отменный.

Ещё отец обладал отличным музыкальным слухом, играл на всех струнных инструментах. Он очень хотел, чтобы дочь и сын тоже прирастились к ним. Вслед за балалайкой в доме появилась гитара, а затем и мандолина. Они были послушны ему, великолепно звучали в его руках.

Оркестр, однако, не сложился. И виной тому я: дальше «первого колена» мелодии песни «Выйду я на реченьку» продвинуться мне не удалось, несмотря на все старания отца и мои собственные. А вот Маруся, как мне казалось, легко справилась с гитарой. Так что музыкальный дуэт отца и дочери мог вполне состояться. Не разразись война...

Отец – Осадчий Павел Андреевич 1906–1944 (?) (Снимок 19 января 1937 года)

В особом почёте в доме были книги и газеты. Радио дошло к нам только в предвоенные годы. О телевидении, естественно, и понятия никто не имел: оно, как позже мы узнали, только зарождалось, находилось в зачаточном состоянии, переживало период «утробного развития». И слава Богу...

Весь набор наших детских игрушек можно сосчитать с помощью пальцев одной руки: картонная коровка на колесиках, резиновый баран, тряпичная кукла, мячик, игрушечный пистолетик. Вот, пожалуй, и всё. Так что весь детский интерес был сосредоточен на книгах. Брели их преимущественно в городской библиотеке. Мне кажется, весь её запас мы с сестрёнкой почти полностью осилили без труда. Чуть повзрослев, где-то лет с десяти, я очень полюбил газету. И на всю жизнь. До самой «триклятой» горбачёвско-яковлевской перестройки.

Отец выписывал «Социалистическую Харьковщину», и я не просто прочитывал её до последней строчки, но отдельные материалы заучивал наизусть. И когда к отцу приходили приятели, отец звал меня и просил рассказать, что нового в мире, о чём пишут в газете. И я, вызубрив содержание газеты, в течение получаса мог рассказывать о прочитанном, поражая свою «осведомлённостью» отцовских друзей. Это и было началом моей информационно-пропагандистской деятельности, которой довелось заниматься всю жизнь.

Бурно ворвалось в нашу жизнь кино и оказало невероятно сильное влияние на наше воспитание: мировоззрение, поведение, поступки. «Чапаев», «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Богатая невеста», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Большая жизнь», «Оборона Царицына», трилогия о Максиме и трилогия об А. М. Горьком, «Семеро смелых», «Великий гражданин», «Путёвка в жизнь»...

Каждый фильм был большим праздником. И его непременно старались все посмотреть. В Барвенково, в центре города, до войны были небольшие зимний и летний кинотеатры. Туда и шли по предварительным заявкам и не без труда «добытым» билетам коллективы школ, предприятий, колхозов, учреждений. Шли семьями, улицами, в любую погоду-непогоду, в метель и в дождь, утопая «по колена» в грязи и в снегу. Шли с радостным волнением. Возвращались вдвойне счастливыми, одухотворёнными...

Чем мне запомнилось довоенное детство?

И дома, и в школе, и в кино, и всей жизнью у нас воспитывали трудолюбие, чувство долга, целеустремлённость, любовь к людям, верность Родине, смелость, честность, стойкость, мужество.

Уже в младших классах, начиная с первого, мы ходили в поле собирать «колоски», уничтожать «клопа-черепашку». Это были наши первые «общественные» дела.

В 5–7 классах, в летние каникулы, мы уже рядом со взрослыми трудились на колхозных полях: складывали в копны снопы, подавали их в «барабан» молотилки, очищали на веялке зерно, подвозили воду.

А дома тоже забот хватало. Маме одной было трудно управляться с огородом: надо было его вскопать, несколько раз прополоть, в засушливую погоду ежедневно поливать, убирать. И это не всё.

Добрую часть выращенных в огороде овощей и фруктов из домашнего сада отвозили на рынок. И не только на свой, барвенковский. Но и в Славянск, в Краматорск, в другие города Донбасса. Держали свинью и кур. С ними тоже хлопот было немало. Добыть корма. Утеплить и почистить сарай; несколько раз в день покормить. Без всего этого прожить, пропитаться, одеться, обуться на одну отцовскую зарплату было невозможно. Материнская домашняя работа давала больший доход, чем отцовский заработок...

Сознаюсь, на «общественных» работах, в колхозе и в школе я работал самозабвенно, с большим желанием и полной отдачей. Иное дело – дома. Мальчишка – есть мальчишка: хотелось побегать, попрыгать, поиграть со сверстниками, почитать книгу, сходить в кино. А мама звала на помощь, нуждалась в ней. Здесь уже того энтузиазма, что в школе и в колхозе, не было. Но, преодолевая себя, надо было помогать маме управляться с нехитрым, но хлопотным домашним хозяйством.

Чем ещё запомнились довоенные, детские годы? ...Любовь к школе, к учёбе. Она зародилась раньше, чем я был принят в первый класс. Задал я родителям хлопот своим «рёвом»: «хочу в школу!», как только начала учиться сестрёнка. Бегал вслед за ней к школе, заглядывал в окна; даже, помнится, на какой-то урок пустили в класс. Маруся пошла в школу восьмилеткой, мне же тогда было на два года меньше.

Ходили мы с сестрёнкой и дома, и на улице в одинаковых цветных платящих, сшитых родственницей. Модистка (швея) она была невесть какая: шить прямые платьица, без всяких «уборок», могла, а вот штанишки – не получалось. Любимое цветное платьице я носил до самой школы, до шести лет. Оно оказалось последним препятствием при решении вопроса о приёме в школу. Когда все «аргументы» о невозможности шестилетку принять в школу были исчерпаны, в ход был пущен самый последний и самый болезненный для меня: «Мальчишек в платьях в школу не берём». И как ни жаль было расставаться с платьем, «тяга» к школе победила. Родители срочно купили полусуконные брюки, рубашку, преобразили мой внешний вид в «мальчишеский», и в школу меня стали пускать, не зачисляя.

Официально же меня приняли в первый класс только с первого сентября 1934 года, когда мне исполнилось семь лет.

Прежнее «незаконное» посещение школы и копирование всего, что учила сестрёнка, позволили мне без труда освоить чтение, правописание, арифметику и тем самым «облегчить» свою школьную жизнь.

Правда, трудности возникали при освоении математики, физики, геометрии, особенно при решении мудрёных или оригинальных задач. Они не раз были причиной слёз. Но чаще всего проливал их из-за каллиграфии. Сколько ни учил отец каллиграфическому почерку, сколько ни «водил» руку, сколько ни «лупил» за мои «каракули», – каллиграфия осталась не взятой «крепостью». Главный довод отца был ясен и прост: «Пойдешь поступать на работу, –

надо писать заявление. Посмотрят: хороший почерк – возьмут писарем в контору; плохой – отправят чистить свинарник».

Потому, желая добра, и били меня родители за плохую каллиграфию. Узнав об этом, учительница вынуждена была ставить мне по каллиграфии «5» или, в крайнем случае, «4», чтобы избавить меня от отцовского или материнского «воспитания». Но не сбылся «прогноз» отца. Десятки раз пришлось мне за прожитые годы писать заявление о приёме на работу своим корявым почерком, но всякий раз определяли в «контору».

Главным условием всё-таки была грамотность, а не почерк. Хотя и почерк, конечно, хорошо иметь красивый. Умаление «каллиграфии», а затем удаление этого предмета из школьного учебного плана привело к тому, что давно уже стало проблемой встретить человека с каллиграфически правильным, красивым почерком. В этом убедился лишний раз совсем недавно, когда надо было выписывать билеты членам РУСО – российским учёным социалистической ориентации...

Но плакать мне в детстве доводилось не только из-за каллиграфии. Как-то, скорее всего от мамы, услышал: если приснятся серебряные монеты, то это верный признак, что придётся плакать. Так вот «серебро» мне снилось почти ежедневно. И в страхе проснувшись, весь день ждал, по какому же поводу мне уготовлены сегодня слёзы.

Учился старательно. Как и у сестры, в дневнике и в табеле, за редчайшим исключением, господствовала оценка «отлично» («пятерка»). Поведение вообще было образцово-показательным и в школе, и на улице.

Везде и всем ставился «в пример» сверстникам. А вот дома «перепадало» часто, и «серебро» почти всегда, к моему сожалению, оправдывалось.

Были ли основания для весьма частых «наказаний» и даже сильных побоев? В моём (и сегодняшнем) понимании – не было. Но у родителей была своя логика. Они хотели видеть идеальным во всём своего сына и оценивали его поступки в меру своих представлений о добре и зле, своём понимании что такое хорошо и что такое плохо.

Даже нечаянно разбитая чашка или стакан – были наказуемым злом. Ибо достаток в семье был такой, что купить лишнюю чашку было непросто.

Зацепился за гвоздь и порвал рубашку, штаны или пиджак – большая «провина» и соответственно она наказывалась. «Забрёханные» грязью штаны – виноват. Ел ложкой из банки варенье и оно «заиграло» (или может «заиграть»); вырезал «инициалы» на деревянной лавке или табуретке – ждало наказание.

Очень часто «доставалось» за обдирание глины или «крейды» (мела), которыми были «помазаны» или «побелены» стены и печка. В организме не доставало каких-то минералов, и я ел с не меньшим удовольствием, чем конфеты, пряники, халву или варенье, – глину и мел, обдирая стены и печь. Естественно, следовало «заслуженное» наказание.

Или, сдав пустую бутылку из-под водки, распитую отцом с приятелями, покупал на «вырученные» копейки билет и самовольно шёл в кино, не поставив маму в известность. Знал, был уверен, что если попросить разрешение, – будет отказ. Вот и пускался в «самоволку».

Одним словом, «серебро» было моим постоянным спутником в ночных сновидениях, а слёзы – днём, но часто – вечером по «итогам» дня.

Случались и такие дни, когда я был «шёлковым» и, казалось, «серебро» не оправдывается, плакать не придётся. Однажды, уже лёжа в постели, рискнул сказать, что не всегда сны сбываются: «Вот мне сегодня снилось „серебро“, а я не плакал; все эти предсказания – глупость». Мама тут же бросалась проверить: всё ли цело, всё ли на месте, что в тетрадке по «каллиграфии» – «не тройка ли?» И, если «провины» не находилось, то наказание всё равно следовало за «непочтение» к старшим, которые «глупость» не будут говорить.

Естественно, и сегодня, не находя оправдания такому «воспитанию», я отлично понимаю, что применяли его родители, и отец, и мама, не со зла, не из-за «жестокости нрава», а созна-

тельно, во имя моего «правильного», «нравственного» поведения, желая мне добра в будущей жизни. Во многом, это было оправдано. Хотя, конечно, не всегда. Ибо такие «меры» воспитания порождали страх за малейший проступок или оплошность, и, соответственно, заставляли искать возможность «скрыть грех», расти замкнутым, а порой становиться на «неправедный путь» – любой ценой не сознаться в «содеянном» поступке, не признать «вины», наивно рассчитывая, что в таком случае наказания (побои) будут менее тяжёлыми и жестокими. Получалось же чаще наоборот: били до тех пор, пока не сознавался в содеянном, да ещё и за то, что долго врал, отрицал «вину».

Школу, учителей любил самозабвенно святой любовью. Учителя были для меня высочайшим, непререкаемым авторитетом. Особенно моя первая учительница – Екатерина Григорьевна Бакаева. И, мне кажется, они отвечали тем же. Во всяком случае, зная о родительской строгости, старались понять мои «трудности» с каллиграфией и не дать лишнего повода для наказания. За все семь довоенных школьных годов, я не помню ни единого случая, чтобы учителя пожаловались родителям на меня, дали основание для очередной «выволочки», говоря словами чеховского Ваньки Жукова. Напротив, знаю другое. Учителя не только постоянно ставили меня «в пример», отмечали прилежную учёбу, отличное поведение, особую старательность в общественных, октябрятско-пионерских делах, но и пытались удержать родителей от крутых мер воспитания. Естественно, никто никогда мне об этом не говорил, но я догадывался: после родительских собраний или индивидуальных бесед учителей с мамой и отцом на какое-то время наступали «бессеребрянные» сны и «бесслёзные» дни...

Последний запомнившийся мне родительский «урок» воспитания был весной 1938 года. Это особый случай, и я расскажу о нём подробнее.

Поводом явился традиционный религиозный «пост». Иными словами, «конфликт» с мамой возник на «религиозной» почве. Сколько знаю, мама никогда не была фанатично религиозной, «набожной». Просто в душе у неё сохранялась вера в божественную силу, и она, уважая старших, хотела в семье сохранить традиции верующих, почитание к церковным «атрибутам» и религиозным праздникам. В углах нашей хаты в расшитых «рушниках» (полотенцах) висели иконы, мама изредка отвешивала им поклоны, скупое, почти украдкой крестилась.

Отец вообще никоим образом не обозначал себя верующим; был, в моём представлении, сознательным «безбожником». Хотя ни о вере, ни о неверии в Бога никогда не говорил...

Когда были живы прабабушка и бабушка, мама в раннем детстве водила нас в ещё действовавшую церковь. И я ходил туда с радостью, желая полакомиться конфеткой или ароматной «просвирой», которой угощали в церкви. Других побудительных мотивов идти в церковь у трёх-четырёхлетнего малыша, естественно, не было. Помню, однажды даже «закатил истерику» и долго бежал вслед за мамой и бабушкой, шедшими в церковь. Но мой «каприз» не приняли во внимание. Это был последний запомнившийся «порыв» за просвируй.

Ещё год-два ходил «колядовать» на Старый Новый год, тоже главным образом из-за желания получить в «награду» конфету, пряник, пирожок или монету.

Став октябрёнком, а затем пионером, строго выполнял заповеди юного ленинца, больше того, становился активным, «воинствующим безбожником». Решающую роль здесь сыграли учителя и книги. Такие, как «Хиба ревут волы як ясли повни» (Михаила Коцюбинского), где голодный мальчишка по имени Чипка повыкалывал «бозе» ножом глаза, чтобы тот не увидел и не донёс матери, как Чипка отломил кусочек хлеба. Это был первый урок активного атеистического воспитания. Особую же роль в моём окончательном разрыве с религией, с верой в Бога, сыграл Павка Корчагин, насыпавший «махры» в поповское тесто и жестоко избитый церковным проповедником. Путь от пристрастия к церковно-праздничным угощениям до активного отрешения от всего, что связано с «религиозно-церковным дурманом», был пройден мною скоро и безболезненно.

Но это ещё не была ненависть. Она пришла утром в первый день «поста» 1938 года. И обязан за этот «урок ненависти» маме: против её святой, благородной воли и желания она получила «обратный» результат. Весь свой «гнев» за этот жестокий день я переадресовал церкви и её божествам. Мама осталась мамой, хотя какое-то время я и негодовал в душе, что она проявила несознательность и, в угоду церковным канонам, избивала меня жесточайшим образом.

А случилось всё так.

За несколько дней до «поста» у нас было заседание совета школьной пионерской дружины. И хотя я учился только в четвёртом классе, являлся его председателем. На этом заседании был дан «бой» тем пионерам, которые в дни зимних церковных праздников участвовали в «старомодных» обрядах и тем самым позорили звание пионера, бросали «тень» на всю пионерскую дружину и, в целом, на школу. Тогда это было не просто «крамольным», а политически вредным. И потому совет дружины предупредил всех пионеров о строгой ответственности за повторение подобных поступков, вплоть до исключения из пионеров.

И вот наступило утро первого дня «злополучного» поста. Мой соученик-одноклассник и тёзка – Ваня Железняк постучал в дверь и, войдя в хату, протянул маме тарелочку с яблоками со словами: «Здравствуйте! Поздравляю Вас с постом». Это была в моём восприятии неприглядная провокация. Мама тепло поблагодарила его, угостила конфетами и тут же обратилась ко мне: «Одевайся. Возьми этот узелок с угощением, пойдёшь к Железнякам и поздравь их тоже с постом».

Я сразу же решительно ответил: «Нет! Я не пойду!» И тут началось. Маруся (сестра) была в школе, в первой смене. Отец работал в Донбассе и только один-два раза в месяц приезжал домой. Это «осложнило» моё положение и способствовало разыгравшейся «драме». Никогда, ни до этого дня, ни после не видел маму такой жестокой (хотя перепадало мне от неё очень часто). В ход пошли не только руки и ноги в сапогах, но и палка, и доска, и всё, что попало в руки. Пытался вырваться и убежать, но это не удавалось. Мама настаивала на своём, я стоял на своём: «Нет и нет! Я – пионер, председатель совета пионерской дружины. Не могу и не пойду!!!» Но эти доводы не возымели никакого действия.

Мама разогрелась до крайности. Решив добиться своего, она, со словами: «Сукин сын, падлюка!», бросилась к топору. Я воспользовался этим мгновением и выскочил на улицу. Брошенный вслед топор не задел меня. Но и без того я был в состоянии крайнего изнеможения: кровили голова, лицо, спина, руки, ноги; сорочка разорвана в клочья; штаны в грязи и крови порваны в поясе, их надо было держать руками. Психическое состояние находилось у роковой черты. Отчаяние достигло предела, и я не мог найти разумного решения. «Бежать! Но куда?». «Покончить с жизнью. Но как?».

Первым чувством была безысходность. И я видел единственный выход – уйти из жизни. Когда мать куда-то ушла со двора, подкрался к выбитому окну и дотянулся до кухонного ножа. Так же незаметно спрятался в сарае, залез на «сеновал» и, наревевшись до изнеможения, попытался вогнать нож в грудь, в районе сердца. Но обессиленные, дрожащие руки не подчинились воле. И найденный выход из создавшегося положения не был реализован.

Зарывшись в сено, измученный, задремал. Но уснуть не давало ноющее, избитое, израненное тело.

Постепенно пришёл в себя и устыдился своей недавней слабости: уйти из жизни из-за такого пустяка, как избивание матерью. Строгим судьей встал передо мною мужественный Павел Корчагин: «Шлёпнуть себя каждый дурак сумеет... Это самый трусливый и лёгкий выход из положения. Трудно жить – шлёпайся... А ты попробовал эту жизнь победить? Ты всё сделал, чтобы вырваться из железного кольца?... Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой... Сделай её полезной...»

Я осудил себя за малодушие и твёрдо решил: впредь никогда, ни при каких обстоятельствах, не проявлять подобной слабости, любить жизнь и дорожить ею, жить – вопреки всему...

Выход был найден: не уйти из жизни, а жить достойно; не ходить ни в милицию, ни в райсовет. Надо идти в школу. И только в школу. И там искать понимание, поддержку, помощь.

Победила любовь к жизни. А смерть, на несколько мгновений заглянувшая в мои глаза, отступила...

Это уже было второй раз в моей десятилетней жизни. Первый раз я был на грани жизни и смерти в пятилетнем возрасте. Во время поездки к маминим родителям в Таганрог произошёл случай, едва не стоивший мне жизни. Поезд уходил где-то за полночь. Подали его на дальний от перрона путь. Родители тащили разные вещи, а я сонный брёл за ними вслед, цепляясь за рельсы и шпалы. В темноте отстал от них на несколько шагов. Этого оказалось достаточно, чтобы оказаться под колёсами вагонетки.

В полусознательном состоянии занесли в вагон поезда и довели в Барвенково. От станции до самой хаты тащил меня на руках отец. Много дней пролежал в тяжёлом болезненном состоянии, пока встал на ноги.

Этот трагический случай имел долговременные последствия. Удар вагонетки пришёлся на таз и нижнюю часть позвоночника. Но особенно чувствительным было травмирование кишечника, почек и всей брюшины.

Именно последствиями полученных в детстве травм объясняли доктора мои долго неизлечимые болезни, служившие основанием для непригодности к полноценной военной службе и записи в военном билете: «Голен к нестроевой»...

Только спустя два десятилетия после травм, полученных в детстве, организм стал справляться со своими обязанностями. Хотя, при каждом «неблагоприятном случае», последствия того опасного удара и переезда вагонеткой напоминали о себе и в дальнейшие годы жизни.

Сколько раз ещё потом встречался лицом к лицу с «костлявым скелетом с косой», но, к счастью, устоял. И во многом, как это ни покажется странным, я обязан тому первому дню поста 1938 года.

...Пролежав часа три на сеновале, незаметно выбрался из сарая и садами-огородами добрался до школы. Ученики, находившиеся на «переменке», рассказали о моём «виде» учительнице и директору школы – Григорию Павловичу Корпалу. Он повёл меня к себе домой. О случившемся почти не расспрашивал. Жил он в здании школы. Его сын Борис учился в одном классе с Марусей. Там меня обмыли, переодели, дали возможность отлежаться. После окончания уроков домой со мной пошла и учительница.

Прекрасная традиция была в нашей барвенковской неполно-средней школе № 2. Учительница, как правило, вела класс с первого до седьмого, выпускного. В первых-четвёртых классах она была единственной, а в пятом-седьмом – классным руководителем. Мы были первыми учениками в педагогической работе Екатерины Григорьевны. После окончания педагогических курсов, 18-летней девчонкой она стала учительствовать. Всем, что во мне есть хорошего, я обязан, прежде всего, Екатерине Григорьевне. Всем.

Четыре первых школьных года она вела все предметы, а затем преподавала украинскую мову (язык) и украинскую литературу. Это была чудо-учительница, покорившая меня всем своим существом на многие годы. Она обладала необыкновенным даром воздействия. Она была для меня божественнее всех богов и богинь. Я жил и дышал каждым её словом, взглядом, поступком. И бесконечно любил её. Ещё большими стали моя любовь, безграничная гордость и уважение к Екатерине Григорьевне, когда её избрали депутатом районного Совета. Эти чувства любви и уважения к Екатерине Григорьевне, признательность ей стали особенно сильными после первого дня поста 1938 года.

Мне и сегодня трудно найти нужные слова, чтобы передать те восторженные чувства, которые на протяжении всей довоенной школьной жизни испытывал в отношении своей первой учительницы.

Я знал, что вечером в тот злополучный день должен приехать отец. Мы подошли к нашему дому, что называется, в самое нужное время. С другой стороны к дому подходил отец. Увидев меня в синяках, ссадинах и в чужой одежде, в сопровождении учительницы, он, видимо, почувствовал что-то неладное...

Екатерина Григорьевна посоветовала мне пойти погулять, а сама осталась с родителями. Разговор был долгий и трудный, обстоятельный и строгий. Можно только догадываться о его содержании. Для меня он остался «за семью печатями»...

Но больше никогда мама не пыталась вернуть меня в «лоно церкви» или в чём-то упрекнуть.

Этот день имел и другие последствия. Домашние наказания в виде побоев почти прекратились и, если случались, то редко.

Но главное последствие проявилось спустя несколько дней. Основательно подвыпив где-то в гостях или на работе с приятелями, отец пришёл домой в грозном настроении. Сходу взялся колотить посуду, обрушился на маму, и мы с Марусей с трудом его «укротили». Затем он принялся за иконы. Посылав их с гвоздей, стал крушить вдребезги ногами и топором. Иконные рамки, клочки бумаги и материи были сожжены в печи. Это была демонстрация полного «безбожия» отца, что имело для меня архиважное значение.

...Ещё одно небольшое «атеистическое» отступление. Когда пришло военное лихолетье, и смертоносная гроза надолго поселилась на нашей земле, Барвенково оказалось в самом пекле жестоких испытаний, выпавших на долю советских людей. Два года, с осени 1941-го до осени 1943-го, Барвенково было прифронтовым и фронтовым городом. Многие тысячи моих земляков погибли под бомбами, снарядами, от пуль и мин, а больше всего – в фашистских душегубках, на виселицах, стали жертвами гитлеровских палачей и их пособников – ублюдков, предавших свою Родину и свой народ.

В страхе от кошмаров, которые принесло фашистское нашествие, люди в отчаянии искали спасение и в молитвах, в обращении ко Всевышнему.

На всю жизнь остался в памяти случай, происшедший на нашей улице во время зверской немецкой бомбардировки. В одной из хат собрались до двух десятков старушек с внучатами. Они читали Евангелие, надеясь, что Бог услышит их мольбы, отведёт ужас и смерть.

Фашистский пират, на поясной бляхе которого значилось «Гот мит унс» («Бог с нами»), угодил бомбой в деревянную избу, в клочья разнёс и её, и всех находившихся под её крышей, души которых были обращены к «господу богу».

Такие факты сильнее всяческих атеистических проповедей отрезвляли людей, избавляли от слепой веры в господне всемогущество, возможность найти у всевышнего спасение и защиту, или хотя бы душевное утешение и успокоение, умолить его отвести беду...

Все военные дни и ночи, послевоенные десятилетия мама обращала свою душу, свою мольбу, свои взоры к имени и образу Всевышнего, надеясь на его помощь в спасении отца нашего и возвращении его домой живым. Сколько слёз выплакала мама – море. Не помогло...

И не только муж не вернулся, но и сама чудом осталась живой, вырвалась из когтей смерти. Я ещё расскажу об этом.

...Вся история наша, российская, да и общеевропейская, хранят множество фактов жесточайшего поведения крестоносцев, оставивших глубокие рвы вандализма и варварства на судьбах народов и государств. И творили они эти губительные деяния с именем Бога на устах и знамёнах.

Во все века крестоносцы с девизом «Гот мит унс!» («Бог с нами!») на своих штандартах и щитах несли смерть и разрушения.

И что же Всевышний и Всемогущий, видя эти чудовищные злодеяния, хотя бы единожды возмутился, остановил и покарал супостатов?

Нет, на пути крестоносцев, творивших гнусные преступления, прикрываясь именем и образом Бога, вставал реальный земной Человек – Свободолюбивый, Сильный Духом, не ставший на колени перед поработителями и разрушителями. Восставали люди, Восставали народы. Восставали государства, осенённые идеями Свободы, Братства, Правды и Справедливости.

...Может, возмутился Всевидящий и Всевышний, когда князья и церковь, утверждая христианство, огнём и мечом разрушили до основания языческую религию, уничтожив тысячи непокорных иноверцев?

Может, вступился Всевышний за муки тяжкие Галилея и Коперника? Или возмутился кощунственными действиями церковников, чинивших гражданскую казнь над Чернышевским, отлучавших от церкви и проклинавших Толстого? Или осудил Всевышний тех сановников церкви, которые давали благословение и отпускали грехи за кровавые злодеяния белогвардейцам, интервентам против многих тысяч сынов и дочерей трудового народа, восставших против тиранов, веками живших его трудом, потом и кровью?

И самый свежий пример из Новейшей Истории. Третьего октября 1993 года, в 11 часов утра, в осаждённом карателями Доме Советов, в котором заседал Высший Законодательный Орган Российского государства, избранный его народом, – X Съезд народных депутатов, – с благословения Патриарха Всея Руси Алексия II была открыта церковь и проведено богослужение.

Духовные отцы громогласно провозгласили, что отныне эта Обитель, осенённая крестом, именем и образом Господа Бога, будет защищена от любых глумлений и надругательств. Осаждённых в Доме Советов, лишённых тепла, света, питания, медикаментов посетил митрополит Кирилл, нынешний Патриарх Всея Руси, к интеллекту которого я отношусь с почтением и уважением. Как нам казалось, он сочувственно воспринимал наше положение и решительно высказывался за недопущение кровопролития. Но... не прошли и сутки, как Обитель, освящённая церковью, была на глазах у всего мира и Всевышнего расстреляна и подожжена из танковых орудий вместе с тысячами людей, находившихся в ней и вокруг неё, среди которых было множество православных, верующих, рассчитывавших на милость Божью, и даже священнослужителей.

Раздался ли голос Всевышнего или его земного наместника – российского патриарха в защиту страждущих? Напротив. Последний авансом отпустил навеки грехи прошлые, настоящие и будущие власть предержащим тиранам Земли Российской.

На этом фоне происходило просветление и моей матушки, и множества других, истинных правдолюбцев, на собственном опыте познавших сущность божества и безбожия, истинный смысл и назначение религии, церкви, иконы.

...Вернусь к дням своей далёкой юности, к довоенным дошкольным и школьным годам.

Помнится ещё один эпизод из моего раннего детства, о котором мне давно хотелось рассказать, обозначив его суть весьма выразительными словами: **«Солёный хлеб»**.

Не могу точно назвать год, отмеченный этим горьким случаем на заре моей жизни. Хорошо помню только, было мне лет восемь или чуть больше. Скорее всего, в дни зимних каникул. Было это вскоре после отмены карточек на хлеб и другие продукты. Вместе с соседскими мужчинами, работавшими в Донбассе, ночным пригородным, или, как он назывался, «рабочим», «деповским» поездом я отправился в Краматорск. Поехал, чтобы купить там хлеба. В Барвенково свободной продажи его практически не было. В заводском Краматорске приобрести хлеб было можно, хотя, конечно, тоже не без труда. Приехав в Краматорск где-то часам к пяти утра, я отправился к хлебному магазину. В связи с тем, что в руки отпускали по одной буханке хлеба, пришлось занять две-три очереди с интервалом в пятьдесят-сто человек. Отогревались в подъездах домов, где были чуть-чуть тёплые «паровые» батареи.

День сложился удачно: хотя изрядно устал и промёрз на холоде, мне удалось взять три булки хлеба и килограмм пшени. Но не рассчитал, растратил все имевшиеся у меня деньги.

Ничего не оставалось – надо было ехать домой без билета. В традиционной суматохе при посадке мне удалось «пробраться» в вагон. Мужчины посоветовали забраться вместе с «торбой» под сиденье, заслонив меня ногами.

Где-то на полпути к Барвенково, в Шидловке или Бантышево, в вагон пришёл ревизор с фонарём в руках. Он знал, где искать безбилетников. С помощью фонаря обнаружил и извлёк меня из-под сиденья. Робкие роптания и просьбы мужиков: «Оставь пацана в покое» не возымели на ревизора никакого воздействия. Он повёл меня в купе проводника, запер на ключ, а сам отправился дальше по вагонам поезда. Появился уже на подъезде к Барвенково и стал, не спеша, заполнять квитанцию на уплату штрафа, угрожая мне и особенно родителям самыми страшными карами: и тюрьмой, и отправкой на мыловарню. У меня не было ни гроша – в этом ревизор легко убедился, вывернув мои карманы. И тогда он бесцеремонно отобрал у меня, в счёт уплаты штрафа – две булки хлеба из трёх. Ни слёзы, ни просьбы не помогли. Пока ревизор-живодёр мордовал и стращал меня, поезд прошёл Барвенково и уже подходил к очередной остановке – Языково. Вышел я из вагона с буханкой хлеба и килограммом пшена, запуганный, изнурённый усталостью, холодом и особенно жестокостью ревизора.

Был тёмный морозный вечер. По заснеженным шпалам, заливаясь слезами, с колотившимся сердцем отправился в пятикилометровый путь до Барвенково да ещё два километра – по «западенской» улице к нашей хате. И очень хотелось есть. Я не мог уже пересилить себя и стал отламывать кусочек за кусочком, чтобы хоть немного подкрепиться. Солёные слёзы густо падали на краюшки, и хлеб казался мне горько-солёным. Где-то ближе к полуночи добрался домой. Дверь открыла взволнованная мама; ей уже сообщили, что меня задержал ревизор, но больше о моей судьбе ничего рассказать не могли.

«А где же хлеб?» – вырвалось из груди мамы. Я в слезах рассказал ей обо всём, что случилось...

Жестокость живодёра-ревизора на всю жизнь сохранила в моей душе и в памяти самое неприятное впечатление об этой профессии.

Я вспомнил о двух, может быть, самых драматических случаях из моего детства. Но не они определяют его, не они отразились на формировании характера, линии поведения, всей дальнейшей жизни...

Мама – Осадчая Варвара Семёновна (1905–1998) (Снимок 1965 г.)

Сестра – Мария Осадчая (Снимок 1941 г.)

«Жизнь делать с кого?»

Память не в силах удержать сплошную цепь событий, многоликий и многослойный образ целой эпохи, промелькнувший в одночасье на коротком отрезке человеческой жизни. Но...

Как там у Маяковского:

Когда я итожу
                    то, что прожил,
И роюсь в днях —
                    ярчайший где,
Я вспоминаю одно и то же —
                    двадцать пятое, первый день...

Для меня таким днём стало 7 ноября (25 октября) 1937 года, День 20-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции.

Мне в 1937-м исполнилось 10 лет. Тот год запомнился двумя событиями, разными по характеру и значению. Но оба они связаны с празднованием 20-летия Октябрьской революции.

Седьмого ноября 1937 года в Барвенково стояла прохладная погода. Почти весь день моросил мелкий осенний дождь. Но это нисколько не сказалось на радостном возбуждении взрослых и детей. Праздничное настроение было у всех.

И хотя страна жила небогато, Советская власть заботилась о том, чтобы люди ощутили юбилей Октября, воплощение его идей.

После общегородского митинга и демонстрации на центральной площади города мы с сестрой отправились на детский утренник в контору «Заготзерно», где работал отец.

Там был концерт детской самодеятельности; каждому участнику утренника вручили праздничные подарки (конфеты, печенье, яблоки).

Но главным событием для нас в тот день было катание на машине. В открытом кузове «полуторки», по меньшей мере, часа два (а может и три) нас возили по улицам Барвенково. Несмотря на осеннюю непогоду, мы были на вершине блаженства. Радость была безграничная. Ни на минуту не умолкали песни, веселье, смех, жизнерадостное «ура!».

Это была первая и едва ли не единственная довоенная праздничная прогулка на машине, и потому она запомнилась на всю жизнь.

В прекрасном настроении вернулись домой.

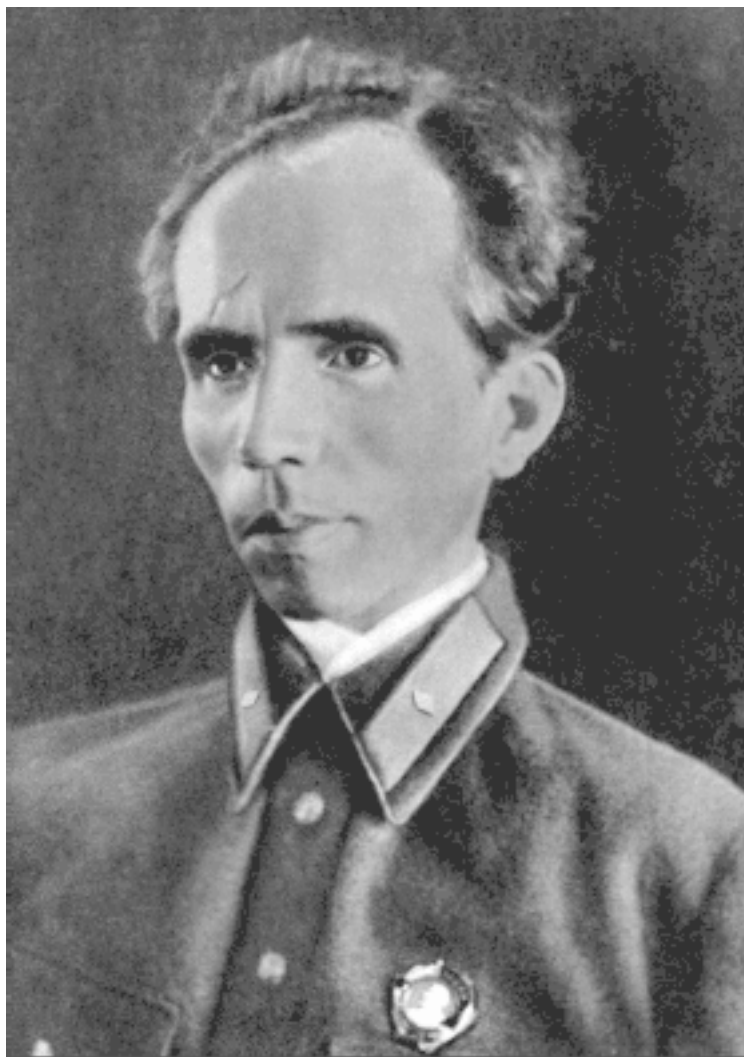
В тот праздничный вечер произошло ещё одно событие, во многом определившее содержание и смысл всей моей жизни. Накануне на пионерской линейке в школе «за отличную учёбу и примерное поведение» мне вручили книгу В. Кожевникова «Тансик». Я уже её читал и потому, полистав, отложил в сторону. А попросил у сестры её «премиальную» книгу в сером переплёте. На её обложке – серебряный штык и молодая зелёная ветка, а над ними название – «Як гартувалася сталь». И ещё выше – фамилия автора: Николай Островский. До того дня я не знал ни автора, ни его книги. И потому удивился: «Для чего сестре – пятикласснице вручили книгу о производстве стали. По недоразумению?»

Но не отложил, а начал выборочно прочитывать отдельные эпизоды. Очень скоро убедился, что книга интересная, и принялся за сквозное чтение. Далеко за полночь мама погасила керосиновую лампу и почти насильно уложила спать. Ночь была почти без сна: такое сильное впечатление было от прочитанных страниц и от желания угадать дальнейшую судьбу Павки Корчагина и его друзей.

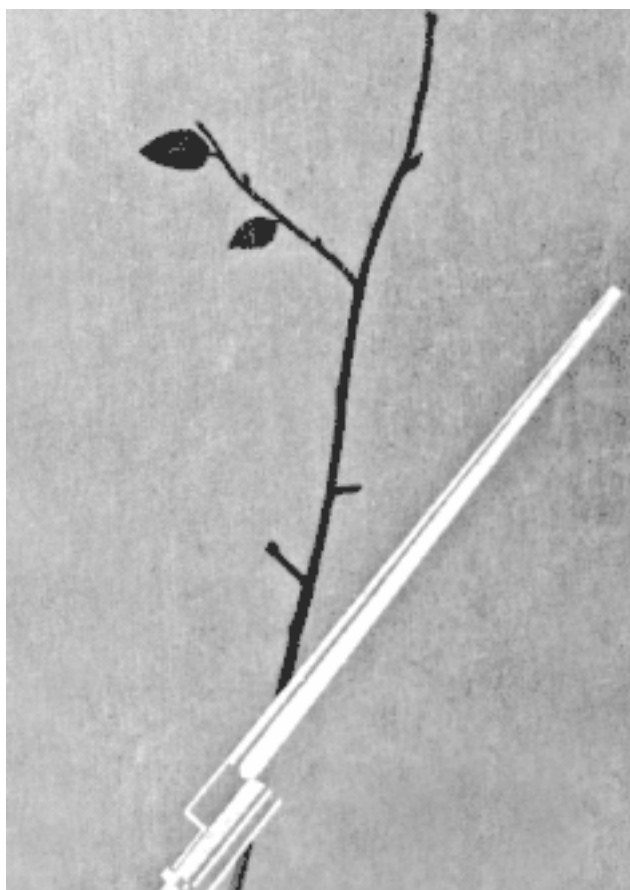
Ранним утром я снова уселся за книгу и уже не мог оторваться от неё; даже за обеденным столом не расставался с ней. А после ужина уговорил маму и сестру читать книгу вслух. Начали с первой страницы. И за несколько вечеров прочли книгу, пережив вместе с Павкой Корчагиным всю его драматическую, мужественную жизнь. Сколько глубоких волнений и искренних горячих слёз было за эти напряжённые, тревожные вечера. Фактически у меня стало с тех дней два отца: реальный и духовный. По случайному совпадению у них было одинаковое имя и отчество – Павел Андреевич...

Дочитав последнюю страницу книги, я долго не мог успокоиться, продолжая жить судьбами Павки Корчагина, Серёжи и Вали Брузжак, других её героев. Снова и снова возвращался к самым волнующим эпизодам книги: поистине потрясающим было впечатление от прочитанного.

Николай Алексеевич Островский 24 сентября 1904 – 22 декабря 1936.

Постановление ЦИК Союза ССР от 1 октября 1935 г.
**О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ПИСАТЕЛЯ
ОСТРОВСКОГО Н. А.**

В день вручения Николаю Островскому ордена Ленина 24 ноября 1935 года. Справа Ольга Осиповна Островская – мама писателя. Стоят слева направо: Раиса Порфирьевна (жена); Екатерина Алексеевна – сестра; Катя – племянница; Дмитрий Алексеевич – брат.

В те дни я твёрдо **однажды и навсегда** решил для себя: идти по пути Павла Корчагина. Он стал для меня всем: самым верным и надёжным другом, учителем, наставником, путеводителем, судьёй всех дел и поступков. Он покорила меня **однажды и навсегда** своим мужеством, волей, целеустремлённостью, нравственностью своего поведения, поступков и мыслей. Сколько раз я читал и перечитывал «Как закалялась сталь» – не подсчитывал. Одно могу сказать: великое множество. Впрочем, как и все книги и статьи о книге и её легендарном авторе – писателе-коммунисте, вышедшем из первого поколения комсомола, – Николае Алексеевиче Островском. Он **однажды и навсегда** определил мою судьбу, жизненные ориентиры, всю мою жизнь.

На протяжении всей жизни я постоянно находил в книгах Николая Островского, в его статьях, выступлениях, письмах ответы и советы по всем вопросам и проблемам, которые возникали у меня.

Скажу больше: многие нормы и критерии жизни Павла Корчагина и самого писателя стали неоспоримыми и безусловными для меня. Они формировали меня, мой характер, они помогали мне жить и достигать поставленной цели.

Основополагающими принципами в жизни, как и для великого множества людей, стали для меня мудрые советы Николая Островского, сформированные им на опыте собственной жизни-борьбы, жизни-подвига:

«Мужество рождается в борьбе с трудностями и проверяется испытаниями... Только вперёд, только на линию огня. И только к победе и никуда больше...»Этому девизу я старался следовать всегда.

Почему так значителен образ Николая Островского, подвиг всей его жизни? Николай Островский – ровесник Валерия Чкалова, Полины Осипенко, Паши Ангелиной, Алексея Стаханова. Он принадлежал к тому поколению советских людей, которое вошло в сознательную жизнь в годы Великой Октябрьской социалистической революции; которое росло, мужало и

закалялось в битвах гражданской войны, к тому счастливому поколению, которое стало первопроходцем социалистического строительства в нашей стране. Так отвечал на этот вопрос замечательный советский писатель Борис Полевой в предисловии к первому изданию трёхтомника книг, статей, речей и писем Николая Островского. Это было первое поколение Ленинского Комсомола. И потому логично звучит вопрос-ответ: у кого же должно было учиться новое поколение советских людей, новое поколение комсомола, идущее ему на смену?!

С кого должны были мы делать жизнь свою, как не с Николая Островского, воспевшего и в книгах своих, и жизнью своей первое поколение борцов за власть трудового народа, строителей Нового Мира?!

И выбор был сделан однажды и навсегда!

...В конце 60-х годов ЦК ВЛКСМ учредил почётное звание «**Лауреат премии Ленинского Комсомола**». Его присваивали за особые заслуги самым достойным и самым талантливым воспитанникам комсомола.

Первым лауреатом премии Ленинского Комсомола по праву стал правофланговый всех поколений комсомола Николай Островский.

Почётный знак был передан жене писателя, тогдашнему директору Московского музея Николая Островского – Раисе Порфирьевне Островской 2 февраля 1967 года. Осуществление этой торжественной миссии было поручено первому космонавту СССР Юрию Алексеевичу Гагарину. Его ассистентами были: Людмила Павличенко, Герой Советского Союза легендарный советский снайпер, и близкий друг Николая Островского, автор одной из лучших книг о Николае Островском – Пётр Новиков...

Николай Островский – лауреат № 1 премии Ленинского Комсомола. Знак лауреата вручают жене писателя Раисе Порфирьевне Островской первый космонавт СССР Юрий Гагарин; Герой Советского Союза Людмила Павличенко и друг писателя, автор книги «Счастье быть бойцом» Пётр Новиков.

...Сколько помню, мне в жизни ничего не давалось легко. Всё приходилось брать с боем, с полным напряжением сил, с полной самоотдачей. Касалось ли это общественных дел или личных. Это приносило свои плюсы: формировало характер, закаляло волю, давало опыт на будущее. Все эти «ценности» особенно пригодились на завершающем этапе жизни, когда пришлось оказаться в эпицентре суровой борьбы с ренегат-предателями, душителями КПСС, социализма, палачами нашей Советской Отчизны и трудового народа.

Всё пригodiлось: твёрдость духа и уверенность в себе, решительность и принципиальность, настойчивость и непоколебимость. А главное – умение найти и сплотить верных, стойких, надёжных, мужественных «товарищей по оружию», соратников-единомышленников, «рыцарей без страха и упрёка», готовых идти рядом, плечом к плечу до конца за наше правое, справедливое дело...

Тем временем, детство моё, трудное и счастливое, продолжалось. Главным его содержанием была школьная жизнь. Оставалось таким же и домашнее «воспитание». Но уже замаячили «крупные перемены».

...Вспоминая довоенное детство, школьные годы, я снова и снова возвращаюсь памятью к своей семье – маме и отцу, сестрёнке, к юным друзьям своим – соседским и школьным, к учителям своим, и особенно к первой, любимейшей учительнице Екатерине Григорьевне Бакаевой. Для меня – это был идеал не только учительницы, но и самого близкого, самого родного человека, каждое слово, взгляд, жест которого был магическим, обладал пленительной, всемогущей силой и безупречным авторитетом. Я верил каждому её слову, доверял ей абсолютно всё. Любил её безграничной любовью. Обожеcтвлял. Для меня она была – святая святых. Она была решительно всем: старшим другом, нравственным идеалом, идеалом правды, справедливости, обязательности, человеческой мудрости, отзывчивости, душевности. Екатерина Григорьевна в свои юные годы не просто мастерски преподавала, учила, воспитывала. Она заполняла собой, своими заботами всю нашу жизнь: на пионерских сборах и в драматическом кружке, на культпоходах в кино и на праздничных Первомайских и Октябрьских демонстрациях, на сборе колосков и в военно-спортивных играх. Екатерина Григорьевна всегда была с нами, была душой и совестью всей нашей детской жизни. Она отдавала себя нам всю без остатка с утра до позднего вечера: ходила в походы и на экскурсии, посещала родителей, знакомилась с условиями жизни, помогала всем, чем могла. В том, что мне **хотелось учиться и учиться отлично**, учиться **всегда**, всю жизнь, – «виновата» опять же незабвенная Екатерина Григорьевна. В том, что на всю жизнь полюбил книги – это тоже всецело её заслуга. Она научила главному – **что** читать и **как** читать.

В том, что не мыслил свою жизнь без активного участия в общественной жизни – в жизни класса, пионерского отряда, дружины, школы, а позднее – комсомольской и коммунистической организации, в общественной жизни страны – всё это пришло ко мне в первые школьные годы и на всю жизнь. И опять же благодаря высочайшему педагогическому искусству, такту, умению, природному уму и дару, которым обладала Екатерина Григорьевна.

Почётные грамоты венчали каждый учебный год – с 3-го по 7-й класс. И это тоже «вина» Екатерины Григорьевны. Я почему-то и сегодня думаю: не будь её на моём пути, – многое из того, что украсило и наполнило мою жизнь, было бы невозможно...

Неоспоримая истина – Екатерина Григорьевна заразила меня на всю жизнь неизлечимой болезнью – любовью к книгам, к учёбе, к людям, к нашей родной советской стране; заразила неуёмной, ненасытной жадой труда, жадой жизни, жизнерадостностью, жизнеактивностью; научила верности нашим советским идеалам, неукротимому, безграничному желанию служить своему народу, своей Родине, быть справедливым, мужественным; стремлению и старанию быть первым, стойким, непоколебимым в достижении намеченной цели...

К горькому сожалению, судьба уготовила мне впоследствии только одну и ту случайную, мимолётную встречу с любимейшей первой моей учительницей. Было это в августе 1944 года, в

канун второго учебного года, после окончательного освобождения Барвенково от фашистских оккупантов.

По своим комсомольским делам (я уже более полугода являлся секретарём комсомольской организации Барвенковской средней школы № 1) забежал в учительскую. Забот было много: о ремонте школы и работе на пришкольном участке; о помощи в уборке урожая в колхозах и совхозах района; о дежурстве возле тяжелораненых в госпиталях; о многом другом...

А тут ещё случилась непредвиденная неприятность: «комсомольский патруль», охранявший школьное подсобное хозяйство, задержал с «поличным» – с ведром (или с двумя) початков кукурузы завуча нашей школы. Это было «ЧП». Подсобное хозяйство предназначалось для учеников – сиротских детей, отцы которых погибли на фронте. И вся продукция подсобного хозяйства передавалась в школьную столовую для их питания. И вдруг, в числе «расхитителей» оказался завуч школы.

Комитет комсомола оперативно выпустил по этому факту «молнию» («боевой листок») с пометкой «острый сигнал». Если не изменяет память, я и забежал в школу, чтобы встретиться с директором и обсудить с ним «ЧП с завучем».

...В учительской находилась женщина (я её сразу и не узнал), обратившаяся ко мне по имени. Я даже вздрогнул от неожиданности, определив **по голосу**, что передо мной Екатерина Григорьевна – моя любимая учительница. Три года войны изменили её до неузнаваемости: постарела, кажется, даже поседела, одета была опрятно, но в изрядно поношенном костюме... Неизменным остался только голос, различимый среди сотен, тысяч и миллионов голосов...

Не успел я даже произнести «здравствуйте», как услышал слова Екатерины Григорьевны, обращённые ко мне, как это всегда было свойственно ей, спокойно, но внушительно и даже с укором: «А не поторопились ли вы с осуждением завуча, да ещё в стенной газете?»

Я с трудом удержался от резкого тона, но возразил решительно: «Мы же задержали её с „поличным“ – с ведрами кукурузы из школьного подсобного хозяйства, выращенной на питание осиротевших учеников, отцы которых погибли на войне».

– Я знаю об этом, – тут же ответила Екатерина Григорьевна. – Но муж завуча вашей школы тоже погиб на фронте, и у неё дочь – ученица вашей школы. Так что вы всё-таки «перегнули палку».

– Мы не знали об этом, – только таким образом и смог я объяснить действия комсомольского комитета...

– Вот-вот, я так и подумала. Погорячились, поторопились и обидели. А она теперь места себе не находит: «Как мне после случившегося смотреть ученикам в глаза?» Плачет. Переживает...

Вот такой ещё один «урок» я получил от Екатерины Григорьевны на всю жизнь. Принципиальность – хорошее свойство, если она справедливая. Но ведь бывает и так, как в этом случае, когда «принципиальность» отдаётся большой болью в сердце, ранит его...

Великое множество раз, вспоминая этот случай, я пытался разобраться в нём. Да, формально, комсомольский патруль, задержавший завуча с поличным, был прав. Формально был прав и комсомольский комитет, оперативно осудивший этот факт в школьной стенгазете...

Но «формальность» здесь не подходит, не оправдывает нашего действия.

Естественно, и я, и комитет комсомола должным образом среагировали на замечание Екатерины Григорьевны...

В тот же день я узнал, что она приходила в школу на заседание методического совета преподавателей украинского языка и литературы школ района, проходившего в рамках традиционного августовского совещания учителей...

Когда опомнился, хотел ещё раз увидеть Екатерину Григорьевну, расспросить, где и как она жила в военные годы, но было уже поздно. Потом от кого-то из своих учителей услышал,

что она работает в школе в каком-то небольшом селе Барвенковского района. Где точно, – сказать мне не смогли...

Вот и всё. Очень сожалею, но судьба сложилась так, что я вскоре оказался вдалеке и навсегда от родного города и за минувшие десятилетия не смог ни разыскать её, ни разузнать всё о ней...

Вернусь ещё раз к тому школьному «ЧП» с завучем и теми «злополучными» кукурузными початками, которые стали его причиной.

Хотя причина была в другом – в скоропалительном осуждении её комсомольским комитетом и в нашей безрассудной «принципиальности», принёсшей боль и обиду хорошему человеку, да ещё учительнице – вдове фронтовика.

Спустя три месяца после этого «ЧП», перед уходом в армию, я зашёл к ней, чтобы объясниться и извиниться. Но услышал в ответ: «Не надо никаких извинений. Я была не права. Просто какое-то сиюминутное наваждение толкнуло меня на этот поступок. Мне перед всеми стыдно, и перед учениками, и перед учителями. А особенно – перед дочерью. Она плачет и без конца упрекает меня: „Зачем ты это сделала? Мне тоже стыдно перед учениками...“».

Пытался поговорить и с дочерью – комсомолкой нашей организации, попросил её не осуждать мать. А она решительно в ответ мне: «Мама права. И не защищай её...».

Самая добрая и светлая память сохранилась у меня на всю оставшуюся жизнь и о других учителях **нашей** барвенковской (западенской) неполно-средней школы № 2: учительнице русского языка и русской литературы Галине Яковлевне Костянецкой; учительнице математики и всего цикла математических предметов – Валентине Ивановне Бондаренко. Они внесли свою долю, свою «лепту» в моё обучение, воспитание, формирование характера, нравственного облика, в становление человеком. И чувство безграничной признательности, благодарности, любви, доброй и светлой памяти о них никогда не покидало меня. Никогда...

Прекрасным, органическим дополнением, неотъемлемой частью моего человеческого созревания, становления, была сестра Маруся. Единственная. Незаменимая. Несравнимая. Неповторимая. Всё, что в идеале должно быть в человеке, – я находил в своей сестре. Она всего на два года старше меня. Но для меня сестра всегда была образцом высочайшей порядочности, честности, отзывчивости, нравственности, добросовестности, трудолюбия, безупречной прилежности, аккуратности, справедливости, скромности до застенчивости, мудрости и душевной красоты. Я всегда любил её неподдельной трепетной братской любовью и гордился ею.

Такой была Маруся в детские, юные, школьные, институтские, комсомольские годы, в годы своей агрономической, педагогической и общественной деятельности.

Такой она осталась на всю жизнь...

На склоне лет ей была уготовлена трудная судьба. Длительная тяжёлая болезнь и смерть мужа. В 27 лет ушла из жизни невестка – жена единственного сына, оставив на её плечах – плечах бабушки с основательно подорванным здоровьем – заботу о трёх малолетних внуках: старшей девочке не было тогда ещё и шести лет, среднему – четыре, а младшему – девять месяцев от роду. Да ещё рядом 80-летняя мама с искалеченными ногами и постоянными головными болями; страдающий недугами муж; брошенный семьёй престарелый, тяжело больной мамин брат.

На вид хрупкая, как былинка в поле, измождённая неслыханными страданиями и переживаниями – любимейшая сестра моя – Совесть и Гордость Моя – не согнулась под тяжестью свалившихся на её плечи испытаний, устояла, выстояла, не сдалась, не пришла в отчаяние. Это ей вообще не свойственно. Даже в условиях невероятно жестокой, беспросветной нынешней жизни, в условиях кощунственной и циничной псевдомократии.

И не только не впала в отчаяние, не склонила головы. А ещё нашла в себе силы сохранить верность идеалам, которыми жила всю свою жизнь, отдавать все богатства своей души, совести, сердца, ума, свои знания и убеждения во имя борьбы с жесточайшим злом, обрушившимся на

нашу страну, на нашу землю, на наш обездоленный народ, стараясь помочь ему поскорее прозреть, осознать своё положение, исполнить свой долг перед ныне живущими и завтрашними людьми, перед детьми, внуками и правнуками; выстоять перед жутчайшим злом, обильно возвращенным в нашей Отчизне – теми, кого иначе, как отродьем рода человеческого, нелюдями, – не назовёшь.

Вспоминая детские и школьные годы (да что там!), вспоминая всю прожитую жизнь, – я в полной мере осознаю, что не быть мне каким вырос и стал, – без прекрасных, добрых, верных, надёжных, безупречных друзей.

О тех, кто был рядом со мной, в зрелые годы, особенно в последнее двадцатилетие, я ещё не раз расскажу. А сейчас не могу не вспомнить, обязан вспомнить самым сердечным словом тех, с кем проходили мои детские и школьные годы, кого я боготворил за доброту и верность в дружбе, за взаимопонимание и взаимовыручку, за надёжность и бескорыстие; за всё то лучшее, что было в них, чем они щедро делились со мною, что я «впитал» от них и пронёс через всю свою жизнь.

К горькому сожалению, большинства друзей моего детства и школьных лет давно уже нет в живых. Многие из них навсегда остались в моей памяти 17-18-летними: их жизни оборваны жесточайшей войной, людоедским фашизмом. Я назову их тогдашними детскими именами, какими мы общались между собой: Павлик Дзюба, Ваня (Вано) Половинка, Коля Власенко. Это самые, самые, самые... И всех троих унесла война. Первые два были сверстниками и одноклассниками сестры, третий – учился со мной в одном классе. Все трое были на год-два старше меня. И этим всё сказано: они стали солдатами и после краткосрочных курсов ушли на фронт в самое трудное время Великой Отечественной в 1941-42 гг. Я же – солдат последнего военного призыва: меня и моих сверстников тоже призвали семнадцатилетними, но уже в ноябре 1944 года. И большинство из нас последние месяцы войны провели в запасных гарнизонах, в полковых школах, в военных училищах, в комендантских частях.

Но об этом позже...

Уроки нравственности и жизнелюбия

А сейчас продолжу воспоминания о довоенном времени, о школьных годах, о наших заботах и тревогах, о нашем настроении, об атмосфере, в которой проходило наше детство, школьная юность, которая формировала нас такими, какими мы стали...

Духовный и нравственный мир моего поколения сформировала жизнь, вся атмосфера в обществе, в котором мы росли. Особая заслуга в этом школы, учителей. Но не только. Воспитывались, набирались ума-разума и у героев книг советских писателей, и у киногероев; в условиях нового, высоконравственного климата в обществе, советского образа жизни, советской коллективистской морали, глубоко товарищеских, дружеских, братских отношений между людьми, в которых не было места зависти, стяжательству, подлости, равнодушию, безразличию к судьбе людей, к судьбе Родины.

В первом классе я стал октябрёнком. На груди моей появилась красная звёздочка с изображением маленького Володи Ульянова, на которого нам хотелось быть хоть немного похожими. Мы старательно впитывали всё, что рассказывалось в книгах о детстве и учёбе великого пролетарского вождя. И песня у нас была своя. В вольном русском переводе это звучит так:

Мы малята-октябрюта.
Есть у нас такая цель:
Надо отлично учиться
Строить свою жизнь.

В четвёртом классе я стал пионером. Теперь на моей груди уже был красный галстук, а это особая гордость: «он ведь с красным знаменем цвета одного». В тот день с пионерской линейки летел домой на крыльях...

Старше стали и песни:

Взвейтесь кострами, синие ночи.
Мы пионеры – дети рабочих.
Близится эра светлых годов.
Клич пионеров: «Всегда будь готов!»

Но уже очень хотелось поскорее вырасти, стать комсомольцами. И наши пионерские голоса звучали в комсомольском хоре:

Шагай вперёд, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели.
Мы покоряем пространство и время,
Мы – молодые хозяева земли...

Ребята-октябрята – внучата Ильича. Пионеры – юные ленинцы. Комсомол тоже носил имя Владимира Ильича Ленина. Так с самого детства мы учились и стремились жить по заветам Ленина, на примере всей его жизни.

Напомню об этом тем, кто, начиная с хрущёвских времён, по сей день старается обвинить Сталина в том, что он предал забвению Ленина и его заветы, затмил «культом» своей личности своего учителя, организатора и вождя большевистской партии, создателя и руководителя советского государства – Союза Советских Социалистических Республик. Сказанное выше опрокидывает все эти лживые, нелепые измышления.

Что касается И. В. Сталина, то он в каждом своём выступлении, в каждой публикации говорил о Ленине, как о гениальном вожде и учителе и призывал всех учиться у Ленина, быть его достойными учениками. Особенно ярко это звучало в известной речи И. В. Сталина 11 декабря 1937 года на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы.

Вот фрагменты этой речи:

«Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политического обывателя, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определёнными деятелями, как Ленин; чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин; чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, как был свободен Ленин; чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учёт всех плюсов и минусов, каким был Ленин; чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин...» (И. В. Сталин. Соч., т. 14, М. 1948 г., стр. 241–242. Составление и общая редакция – Р. И. Косолапова).

Замечу, что в сталинские годы все советские люди, и взрослые, и дети, поимённо знали всех, кто входил тогда в когорту вождей партии и народа – соратников Сталина: В. М. Молотова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, С. М. Кирова. Когда три последних уходили из жизни, в стране был траур, и «мы пионеры – дети рабочих», горевали по поводу их безвременной кончины вместе со всем советским народом.

В ближайшее окружение И. В. Сталина входили также А. А. Андреев, А. А. Жданов, а несколько позже и А. Н. Косыгин. Все они тоже были хорошо известны в советской стране. В 30–40-е и в последние годы жизни И. В. Сталина известность получили также А. И. Микоян, Н. С. Хрущёв, М. А. Суслов. Они тоже многие годы входили в руководящее ядро ВКП(б) и советского государства, шли вместе со Сталиным. Каждый из них оставил свой след, соответственно своей роли и заслугам в деятельности ВКП(б) и советского государства. Никто в партии и в стране, да по всей вероятности, и сам Сталин не мог предположить, что кто-то из них подлю поведёт себя после его смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.